

СПРАВИ	2
№ ОПИСУ	1
ФОНДУ	5240
ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ВИЩИХ ОРГАНІВ ВЛАДИ ТА УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ	

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ВИЩИХ ОРГАНІВ ВЛАДИ ТА УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ	
ФОНДУ	5240
№ ОПИСУ	1
СПРАВИ	2

Фонд № 5270

оп. № 1

справа № 2

«Дорожные заметки» - подорожні записи по Україні та
Кавказу. Автограф. Рос. мовою

червень 1939 - листопад 1940 рр.
січень — лютий 1941 р.

На 46 аркушах

1 док.

Фонд № 5270

оп. № 1

справа № 2

September 3

1

2/1

1a

«Копия»

21

Дополнительные заметки

июль 1939г. — ноябрь 1940,
январь — февраль 1941г.

Июнь 1939г.

Чем дальше от Киева, тем шире и полноводнее становится Днепр. Он пересекает обильно габрилы и мелкими, берега все реже и реже касаются. Правый берег выше левого, оба они покрыты лозой и осокой. Если стоять на носу парохода, шум воды монотонен и гасит, вода разбивается и убегает, шумит и как будто шипит. А мгновение перед тем она ровно плескалась и мелкими волнами катилась вперед. Углубые берега, обрывистые и пологие, с склонившимися вербами или с бесконечными, убегавшими вдаль заливыми лугами. И снова, с какой-то гасимой движением вперед, те же бесконечные вербы и лозы и заливные луга.

К вечеру Днепр капокивается от ³отдельными краями и землями. Они меляются и вздрагивают, ^{поднимаются} и остаются сзади, чтобы сейчас же показаться вдали. Они поворачиваясь неожиданно из полой тьмы и так же быстро исчезают.

Вашей водой, водорослями, мокрой песком и резкие запахи, и плеск воды слышнее за-

^{шум}
нахов и шумов парохода. ~~К вечеру~~

К вечеру начинают кричать илгушки. Их крик перекачивается издали; одни кончат, другие начинают, а вместе слышны беспрерывные звуки, кабелирующие, как шум воды и рокоты, как прибой.

Временами появляются города и села.

Если это ночь - издали встает зарево, ве распростирается по мере приближения, и вдруг начинает играть, отражаться огнями в ветревоушенной воде. Днем же соломешные крыш и или черешчатые розовые, сначала редкие, одинокие, потом вдруг столпившиеся, то влезают на горы, то по ровному берегу разбредаются вдали.

Пароход долго и медленно пригаливает, потом так же медленно нагружается и во тьме или, при ярком или солнечном свете резкие крики пугликов, стук бочек, ящиков и взвизгивающих мостков разрывает мерный звук теска воды.

Пароход свистит. Капитан некогда обдает приказанием и, вздрогнув за-другой, пароход

42.

отворага вается от призраки, кабрира вод и
снова разорванная вода, пеняет, зубасит
по обе стороны, желтая и как-будто мблв-
кая, спокойная и плещущаясь вперед.

Чем дальше от Киева, тем темнее и гуще
днепровская вода, тем больше безлюдья и
дика берега, гуще заросли лозы и осоки и
даже крики лягушек кажутся гуще по мере
удаления от Киева.

Кременчук. Чистый виллыбий город с белы-
ми, ново-выделенными домами. В нем мощен-
ные мостовые, а тротуары устланы осколка-
ми кирпича. Улицы обсажены деревьями с
белыми стволами, старомодные дома с полу-
круглыми изордатыми окнами, со ступенька-
ми у дверей, с газонными, сугарными зелеными
цвнами Кременчука.

Ничем не нарушается покой тихого городка,
в котором ^{котором} спокойно гуляют курьезы и обива-
ны. Они не пугаются, даже, изредка плещу-
тся извозчика.

И снова берега, унываялоу не ~~назад~~ назад, такие
однообразные, словно стоишь на месте, а
вокруг движется одна и та же искусствен-
ная панорама.

1930

Днепропетровск. Утро. Город удивительно и удивительно
чист. На переходе государственных днепропетровских расхо-
дятся мне достопримечательности города. Это
его слова проспект Карла Маркса по ширине
и красоте равен центральным Каменноостровским и
проспектам в Ленинграде и по средней мере
восьми бульварам Шелленко в Киеве. Как
все патристически настроены к своим скорлупам!
Как, очевидно, курьезно, когда Киевские парижеры перед
москвитанами или ленинградцами хвалятся досто-
примечательностями и улицами Киева! А Киев
еще не очень маленький и плохой город.

Это проспекты Карла Маркса с трюкотом
и зрелищностью звонкого исландского трюкоту.
Люди, такие же такие, как и у нас, рабочие
домашние хозяйки, служащие, медленно и
вместе идут по своим делам. В парке
имени Дзержинского, среди галереи акаций, сине
камни и белая скульптура. Две из них
- работы Фегрардсена, концы скульптуры, стоят
в Киеве у дома оборонки. Старые скульптуры
и фидели, его не успели подметить и он
напомнил мне записанные карты Кург-
гоза и Рабиновича. Но тем хоть можно
просидеть здесь за их красотой.

Скоро после Днепропетровска начинается
такое звалиное озеро Ленинка. Это Днепр
широкий островок, что трудно рассмотреть остр-
татские берегов. Глотка Днепрострой, воз-

двинулась в порт Ленкина, поднялся уровень воды Днепра и разлился ее на окрестные берега и села. Под тяжестью воды я пытаюсь рассмотреть каменные гряды порогов. Мне кажется представляется себе непреодолимые, непроходимые скалы, в которых пенится вода, шумит, бурлит не умолкая, не стихая никогда; каменные кряжи и утесы, в которых утонули пенники и вонючие серебряные гайки. Мне кажется представляется себе заросшие густыми лесами берега, по которым медленно прокладывает себе путь угрюмые борзатые люди.

Но Днепр ровен и гладок, на его серо-синей поверхности не отразилась негора прошедших дней. А сияющее солнце до конца растворяет представление о скалах и пенных седьмах времени.

У порта Ленкина над водой возвышается от берега к берегу цепочка цементных ворот. Издали она кажется маленькой и низкой. Это плотина Днепрострой. Смотреть на нее нужно с другой стороны.

Здесь в порту Ленкина паром ходит до распухает и набухает. Ступеньки медальонские бочки прохотом и изгнанием бьют по голове. В раскаленную каюзу с вонючей заливкой проникает мелкая угрюмая пыль. Она пробивается всюду, ~~вместо этого~~ ~~порт~~ ~~дерева~~ набивается в мельчайшие поры дерева и мяса. Ближе подальше стоит мучит из Днепровских пароходов - "Самская Конструкция".

На нем в соломенные мешки располо-
жены экскурсанты, с пренебрежением
глядящие на наше непривычно-абсолютный парокс.
Но вот погрузка окончена, прощай пшени-
осека, парокс издает пронзительный звук
и входит в шлюз.

Впереди из воды возмущается невнятный барбер.
На нем матрос с винтовкой, совсем такой,
как в журнале "СССР на стройке". И
внезапное такое "тио он оттуда выре-
зан по контуру" и наемник на голубое небо.
Он смотрит на нас безразличным взглядом, недви-
жимо, как шквал.

По мере приближения парокса к барберу в
нем, в барбере, образуется цель, это раскре-
пленный невидимый вояка и недвижимо матрос
медленно уловляет на развернувшейся барбере.

Парокс входит в шлюз - пространство ограни-
ченное барбером, сгущаясь и вокруг него
черной толпой, начинается опускание. Вода
быстро теснит из шлюза. Все выше и выше
опускается парокс. Уже он внутри коловника
с деревянными стенами, но элемент из нессим
бревнам которой, струйками стекает вода.

Спростью и прокладкой тидней снизу. Уже солн-
це закрылось высоким стенами шлюза.
И парокс, потерявший вокруг все свое значение,
оказавшись стоящим перед шлюзовыми, сквоз-
ными воротами. Они круглые, герметичные, вращающиеся
вперед, а вверху
каких-то маленьких, неподвижных как шквал
ше, матрос.

Странно во время падения часть существа

68.
в прохладный, сухой колодезь. Но пароход
снова тихонько, медленно, будто неохотно раство-
релось в порогах и вот уже пароход в следующем
шлюзе, а шланговые порога так же неохотно
затворились за ним.

Снова четырехугольная ограда. Сзади герань,
громоздкие ворота с неподвижными нафросом.
Впереди опять барьер. Снова пароход вздра-
гивает и начинает плавно спускаться. Меш-
ки сены шлюза закрывают солнце, как
будто небо турани закрылось. Струйки воды
по трещинам стекают вода. И гранитные,
ореховые ворота беззвучно растворяются
медленно и неохотно.

Пароход прешел три шлюза. С громадной вы-
соты спустился он и возник дамба в Днепр,
совсем не похожий на тот, что сбегает
наверху. Высокая молчаливая плотина, зна-
комая по многочисленным фотоснимкам
и рисункам. Закрыты все ворота и стоит
плотина одиноко среди развороченных
лесных и гранитных массивов, круче-
ств, мшистых вод, порогов.

Уплыв картаса. Серо-коричневый негра-
ный пейзаж без зелени, без строений. Раз-
рытые взрывами утесы, нагроможденные
в беспорядочные кучи. Могуте некогда
горы лежат беспомощные, обезвреденные
отсутствием воды. И лишь деревянные
шкивы высокого напористого уклада в
обе стороны от пустынного пейзажа, вы-

676

забавяет тюркскими, германскими проводками.
 Днепр разделяет на два бассейна, переход
 имеет по ограниченному каменистому простран-
 ству среди камней и песка. А по бурную
 сторону левобережной каменистой гряды дольней
 доурии Днепр, непреходимый и неудачный
 равнин и грядкой луговой обильнейшей
 менеро. Пороги торчат ослепительные. Они
 тюркотеев рядом с вросеией над ними по-
 тинной. Человек перехитрил их. Моурием
 богатые земли дали они много веков, может
 быть тысяч веков. Но сие их, как у дольней-
 ных геров в земле, доле в воде. И доле они
 сивить, пока не оторвали их от воды. А
 забрали воду у них и остались они, бро-
 шенные и пустынные, поверженные ска-
 зочно-непобедимые. Богатыри.

Запорожье непривлекательный город. Он
 весь адималово гол и безрадостен. Отсутствует
 зелени и однообразие, крытые черницей до-
 мики в зыблом негладком ландшафте. Это
~~они~~ пространство, прорезанное каменной
 грядой порогов, которое одно на всем про-
 тивесии Днепра именно той особенной
 животности, которая соответствует вели-
 кому, неравнинному красоте.

Атлантический город со всех сторон окру-
 жен ~~песком~~ дольней высшего неурядицы,
 каменитой иралиской энергией Днепротур.

Многомиллионные заводы и фабрики. Запорожье —
закмывает собою цепь промышленных городов,
выросших на непроходимых порогах, порожистых
ныне обнаженных, беспомощных громадах.

За Запорожьем снова начинаются зеленые
берега. Днепр здесь величав и спокоен. Он
полон достоинства. И можно верить в
его Божие могущество, в его историческую
роль большой и важной реки.

Кричат гайки, кубиркается перед носом паро-
хода. Соплище уже далеко за бесконечными
холмами и гнилыми теми вечерних сумерек
спускается с неб в тихонлеющую воду.
Вода, раздвинутая носом парохода, убегает
двумя расходящимися линиями, образуя
огромный треугольник, в вершине которого
все время законченный пароход.

Так вот они исторические пороги, Запорож-
ская Сечь — а Днепр, великий путь из Варяг
в Греки!

Здесь некогда наши украинские предки, от-
таивавшись пещерами от негнаною дня
протаскивали убитые телеса через рыващие
пороги. Местами пороги были кеулошны
и камни несли берегом на руках.

Крупнобрюхие пеликаны ложатся в непри-
ступных скалах и летят их там в грозном
реке воды.

Вот они, в вышину и не вышину их!

Столом эти же неприступные скалы сур-
дят убежищем украинскому народу, тур-

230

ли из Консантинопольских, ляхи и русские
со всех сторон. Многие могут рассказать
показательные поныне скалы, гранитные и обес-
силенные человеком.

Селовек пережитые неистовые пороги, он
не одолев их силой. Нет, он изобрел мно-
жество и много, он забрал воду у порогов,
потому они беспомощные и грабительные ле-
жат сейчас в стороне от жизни, от
Днепра, от водного современного пути.

Так вот они некогда великие и наизу-
стные места!

В сумеречные вечерние тени Восточной,
огибающей отроги далекого детства селовка.
Свирелью и гадюшью речугой как каменные
предков. Но мажут им быть они таковыми,
живя на лоне природы, неспортивные ве-
ками стрелы и дубовые и каменные?

Борьба за существование, борьба за жизнь
дежда необходимой верную насущность,
постоянную воинственность. Кто знает
до ~~и~~ до упрямости и свирелью наш народ,
если бы не подвергались он великим набе-
гам диких и культурных варваров всех
времен?

Не может быть гадюшью и злым народ,
слухивший грустные песни, грустные
сказки о прошедших веках. И сказки, и
песни эти слышатся мне в усурганьи ре-
завешенной воды, в шопе верб и лоз, темны-
ми тенями убеленных неба.

Безгранична природа в своей неисчерпаемой, за-
кономерной красоте.

Ей противопоставляю бесчисленные сооружения,
двигущихся заводов, гремящих машин, рывающих
и несдобревающих изобретений человека.

Стоит ли кроме удивления и тоски ничего мно-
го не глумиться в при виде громадных за-
водов, застен, кауперов, промышленных центров?
Можно ли любить земные удобства, уди-
вающие бурные человеческие стремления!
Закономерен ~~он~~, усталость ~~и~~ лица людей помыслить
ли они о том, что есть ~~и~~ безбрежный
мир трав, полей, вод, лугов и лесов и
голубого, бесконечно голубого неба?

Видны гудящих электрических кружков,
проводящих токи высокого напряжения, огиба-
ются позади, утихли беззаконные заводы, круг-
лые сурки топящиеся дым, проливный
и вместе с голыми утесами несут вдали.

Снова широкий многоводный Дунай, оформлен-
ный, поперевыжили в везере лозами, снова голубая
убегающая от парохода устремляясь, пенящаяся
вода, рассекшаяся кружится скажи-быль
про глубокое действие народа.

На корабле, среди корзин с клубникой и кура-
ми лежат и сидят крестьяне. Загорелые
морщинистые руки и лица. Они усуют следку
и хлеб или тяднут зачумьнуто песню.

Тянет потом, курами и клубникой.

870

Крестованка с усталыми, некогда краси-
выми лицами рассказывает мне грустную
повесть о ^{своих} русских. Эта грустная по-
весть тысячи таких, как она, нет,
не тысячи миллионов, повесть тяжёлого
труда (это не тот труд, к которому зо-
вет Библия - труд наследия), это не-
посильный, тяжёлый труд бороться за жизнь,
за существование.

Может ли быть свирепки и грядки на-
род, рассказывающий эту грустную повесть?

Может, именно потому может, что нет
предела беззастенчивому неравному распре-
делению благ на нашей земле, что нет
предела ~~определению~~ верному страданию.

Эта что-то невыразимо грустное в бес-
конечно одинаковых и бесконечно разных
берегах Днепра. Песчаные и безмолвные
они влекут к себе и утеш, и гиб утеш,
что с каждым часом все меньше и мень-
ше остается жить среди них.

О запахах, с мелодиями связываются
наши воспоминания. Так запах воды
и мокрого песка, запах воды и запыль-
ные пески напоминают мне тяжёлые
и полные невыразимой предели годы
детства.

Пристань Халенбе. Ночь, звездная, черная, без-
 шума. Тусклые керосиновые фонари красно-
 багровым беспорядочным дорожками отража-
 ются в воде. Вода черная, как ночь, спо-
 койная и тихая, как спокойное небо. Кажется,
 будь оно ближе, слышишь бы бы шорох его,
 как слышится негромкий шорох воды.

На пристани среди мешков с мукой,
 корзины с овощами и куралом, спят
 вповалку крестьяне. Сбитые в кучу на
 полу, в сраги и пшми, в муке и в куралом
 почете смешались мужчины, женщины, дети.
 Изможденные, загорелые лица. Крестьянки,
 состарившиеся много ранее положенного вре-
 мени, с грустными глазами. Они сидят или,
 покачиваясь, убаюкивают детей и тихо го-
 ворят друг с другом. Они говорят неумол-
 кив, без выражения, слова текут так же
 однообразно, как плещется вода, ударяясь
 в пристань. И душно, теплое от копоши
 фонарей, от сраги, от пшми помещение приста-
 ни, наполнено негромким шумом, равно-
 мерным и монотонным.

Тянутся тоскливо-важные ногные гаси. Никто
 не знает, когда будет пароход. Обмен светит
 Френр готовит каждую минуту новую нео-
 преданную косу или меш и пароход нередко

92/0

вместо двенадцати часов ночи приходишь,
когда на востоке за Трипольской
горой небо каменеет розовым.

Трудно уснуть на голом полу. Но усталость ~~прив~~ и дремота перевозимою и ~~задремав~~ уснуть здесь же, на грязном, замлеванном полу. Иногда сдобовная крестовина подложит под голову мешок или положит голову ей на колени, а гуще именная корзинка - веревки спутаны всех моих кедалских путешествий, служат подушкой.

Усталость и дремота перевозимою все, и задыхаешься на мгновение, но сквозь кельежку призраки слов слышишь, прищипывая ротом уши голосов, шепчущихся, как ~~маленькая~~ далекая река.

Ночь прохладна и тишина свечеством of вода. Особенно прохладно ~~в~~ после магнитного поху-сна. Все шловет и колыхается в глазах, в ушах шумит отзвук рокота голосов, предме-ты кажутся перекачанными, ~~и~~ далекими и ~~только~~ ^{лишь} постоять несколько минут у воды, освобождаясь от дремотного состояния и только шум в голове смешивается с шумом воды. Она гурман, видная ~~лишь~~ ^{лишь} тем, не красноватые дорожки грохочет освещают ее, убаивает, ~~чтобы~~ ^{чтобы} никогда не возвращаясь, ~~не~~ ^{не} долго и вечно. ~~И~~

У кристали, на берегу ногот или гито

сидят, обнявшись, парубки и дівчата. Им не хочется спать. Молодость и любовь, что стоит им поутру прямо с присягами в поле, на тяжёлой трудовой день! Молодость и любовь не знают усталости. Шопот поручиленных в пеннону пар, поцелуи, смех - первые победы гуртёва. Они раскроются лепестками цветов и зыбнут так же обветро, как вьмут срезанные цветы, поручиленные и зыбтующие всеубивающими повседневными заботами о хлебе. Молодые, смелые глаза покрываются глубокими морщинами, блестящие глаза поусекиной, в них отразится грусть безвыходная, как у тех крестовиков, что вповалку спяб на полу, наполняя комнату присягами. И они некогда прощившим так до зори, мергая о счастье, но оно, счастье, существует только в мертах, оно несбыточно, как сон, как мечта, которая его порождает.

Шум же у присягам сгрудился лодки. Вода придиинула их одну к другой и абянке грузики в парусиновых мешках развалились в них сиденье или зубаскаленье с рыцеей дівкою. У дівки ситый волос, расметавшиеся гривой рыцее волосы и била, резко выделяющееся на фоне ночи, лице. Уромкие волосы грузиков, ситый смех дівки, резко вырывается из ночной тишины и, вырвав-

1036

мисль, поухалот, как задутый огонь.

А время плещется; мне кажется, что я слышу его крешкии плеск в тихом гуле голосов и поцелуев, в шепесте невидимой черной воды, в манящем молва-нии ночи, кензмеримо болышем, чем все модские шумь.

Наконец, далеко в темноте загорается три огонька. Они то гаснут, то появляются вновь. Ночь, все приближаясь, горит кучками. На призраки каминают звывающая оудель-ные темные фигуры. Уже скоро, скоро там же соломенная корзинка будет снова служить подушкой, но тогда ~~уже~~ не будет оудадания, бесконечного, ночного оудадания.

Теперь, как-будто и вода бежит быстрее. Ночь напояется звуками ветреной суеты. Ураивают бочки, скрипят сходни. Призраки трещит и какает под тизцесство торонивших шаров. А парход медленно и вазсно выплывает из темноты, иидя вперед тремя яркими фонарями-мезами, которые словно висят в воздухе.

<====>

Многo ушло с тех пор; Ушло, как уходит капли воды, тмаь никогда болыше не вернуться. Уходит все млохе и короче, бегаеца только сердце в морщинах, в гакх глудоних как морщины на лице кресель-нок. Они кажутца мне трещинами рас-

каменной, грядущей влаги, земли. И нег
вляш, что бы утомить ее, нег ее.

Запах воды и лоды, запахи и звуки
парохода воскресают востановившись. На
расстоянии годов ярки и осязательны об-
разы. Они запергались навсегда скрывают
и замолчали. Но плеск воды разбудил их, они
поднялись из глубины воспоминаний и
живые, ярки, ведают и волнуют и капождою
судьбою.

Плывут берега несравне, унылые. Все
давшие и давшие увозит меня пароход ми-
ло многочисленных городов, деревень и сел,
всех разных и всех удивительно однообраз-
ных.

В конце Френдовского путешествия
что бы не испортили мне один эпизод.
Вечером. Солнце осело далеко позади,
красным шаром скатывалось к горизонту.
Рядом со мной на носу парохода располо-
жилось несколько пассажиров. Они говорили
о Берсоне и об Одессе, о сложности покупки
билета. Но в предположении удобной темой один
из них сел возле меня, так же, как и случив-
шись по другую сторону палубной решетки.
Незаметно и неслышимо, он непрерывно
рассказывал одну за другой дорожные
истории, которые делались все более и
более тоскливыми по мере двинувшихся
вперед.

112/6

Сначала я слушала с интересом, потом
уже ^{стало} скучно и, наконец, начало
надоедать.

Джексон был бесконечно красив в вечерних
розовых и лиловых тонах. Здесь он был
моузе и тирон, мурриген и момгамив, а
рядом над ухом, меняя насмешливый Джексон
как казнь. Лица муча, расставшая и многовеко-
ный пассажир. От дорожных историй он
перешел к анекдотам, которые делались
все более неприглядными и от всех моих ме-
тафорических насмешек не осталось и следа.

Уже уже мертва то, когда всякий, вроде
моего спутника, думает лишь о дорожных
приключениях весьма недвусмысленного свой-
ства, многоцелевые описания ~~каждых~~
в ту же цель. Они были однолиней-
нее другое, а рассказывая их спутник мой
массивным взглядом смотрел на меня
в очевидной надежде на мою склонность к
подобному дорожному временипровождению.

Весь вечер был испорчен пригаваними
потом, маленького пассажира. Узнав, что я
одна в каюте, он сделал мне весьма прозрачные
предложения и большого труда стоило мне
отказаться от его пригаваний. От при-
гаваний ~~не~~ насмешки не осталось следа.

Заключив в дверь каюты, я занялась изнутри
на кино;

а мой изобретённый спутник так и остался
стоять за дверями каюты.

На следующий день с утра уже ~~каюта~~
~~путешествовать~~ приближение Керсона.

Второй класс обмущивала горничная (как
они называются и теперь) Лена. Большими
босыми ногами, красными руками и лицом,
словно расщипленным при рождении, она
всем своим обшком напоминала обрубок.
Хриплый голос, всякогошты, наперма ~~не~~
не волось производили отталкивающее впе-
чатление. Пассажиры требовались на ее гру-
бость, но достаточно было лишь просто по-
говорить с ней и некрасивое
лицо ее расплывалось в широкую улыбку, гру-
бость перезала. К концу поездки я приви-
завался к ней, потому, что за грубым голосом
и неприглядной внешностью скрывалось, задире
всем, ~~судя~~ отталкиваемое, существо. Все
то в Запорожьи замуркнута сестра и больше
никого на всем свете. Одинокая и омерза-
тельная она грудила пассажиров, которые
~~лишь~~ в ней только прислугу и всю свою
жизнь по поводу шлюхи-оборудованного паро-
хода сваливали на Лену и поучали в ответ
лишь грубое и неважное обмущивание.

Пароход, как великий свизанный в одно
целое коммютив, представляет собой

1236

своеобретенный мир ~~и~~ ^{идеи} со своими энергетическими ~~и~~ интересами, болями и радостями.

Семь дней пароход в пути. Во всех городах на крайнем, возвращаясь ~~к~~ ^к ~~нему~~ ^{нему} ~~роходу~~ ^{роходу} видел всех, начиная от камбала и кончая корсарами, сидящими на речных вокзалах. На каждом из вокзалов свои новости, свои ветхости, очень сходные с суровыми интересами и осязательными от них.

Лучше всех себя чувствует Бурендик. Он отсрывает свой, замученный муками, резгоран-будет великой с шумом, когда и как ему захочется. Определив очень скоро выходы для него пассажиров, он распускает свои мобилизации только им и предвещательно откосится к мало-покупающим крестьянам. Это время унылая, и лоснится, как время мелкого, гасного лавочника с корочкой прибито, чувствует себя вдоволь полной хитрой карохода. Она и ее мур царствуют на пароходе и особенно ~~когда~~ ^{когда} когда на корнях пассажиров флотским борщом, заводят патроны. Тогда на ответственных лицах Баумана, Карасов и Левя появляются бласеющая улыбка и, подперев головы руками, они подпевают в такт привычному звуку патрона

11.
13
Далеко помощник капитана и сам капитан,
в белых кителях, спускаются в тесное,
завалянное помещение II^{го} класса, куда
собирается все пароходное общество.

Издали показались первые пригородные селен-
ния Херсона. Это был конец грендовского
путешествия. К часу дня пароход подошел
к Херсонской пристани.

Херсон маленький, провинциальный городок,
совсем не похожий на морской порт, како-
бым считают его херсонцы. Он красивый и
вычурный солнцем. В нем ^{очень} ощущается при-
ближение юга.

Тахты акаций на ровных, скучных улицах.
Ни больших домов, ни трамваев, ни машин.
Мертвая, пустынная тишина в городе, раско-
лотом солнцем.

Аттракцион — мощные куртки или болван-
ки каменными плитками, а местами угрозо
угрожающая шипящая порва. И так
тихо, что звук собственных каблуков
резко отдается в ушах.

На главной улице кафе, кондитерская, кино.
Артисты, возмущающие гастроли Днепра гербов-
ского оперного театра.

1396

Справочная Баронесса на мой вопрос о гостеприимстве жителей города малограмотно пишет мне справку о трех музеях и, удивившись ~~за~~ с радостью за возможность уделить время, отправляясь искать херсонские музеи, о которых так много слышала от своих спутников - херсонцев.

Да, и в самом деле; где, как не в Херсоне быть музеям с памятниками галекских античных эпох, знаменитых греческих колоний!

Два памятника украшают холм или холмистых скал у Дериб музей. Они единственные существа на длинной улице. Они и з. А в этом маленьком домике с изваяниями - все три херсонских музея.

Несколько милых террас, наполненных херсонскими ценностями.

Внизу расположился художественный музей. Главные его экспонаты - "Море" Абуазовского, одно или два полотна Шичкина, да еще, из России, - Бродского. Вот и все. А основное - херсонские живописные коридоры - бойницы, ничего не говорящие, колоннада.

12.
14
Продви́т по художественному музею несколько
ко разварившихся от жары туристов, тоже
в ожидании теплохода. Водит их местный
экскурсовод. Я слышала только, как он,
показывая мне какие-то неинтересные
произведения юантешетов, говорил об
убийственном вреде всякого формализма.

Артюга несколько раз ввел музей, я
поднялась наверх в музей исторический.

Здесь пахнет ~~пылью~~ так же, как пах-
нет во всех музеях древностей — отсушевыми
фрагментами и пылью.

Средние бронзовые гальки, обломки статуэток
и ~~стел~~, шведские временем медные и
железные наконечники стрел. Франские
остатки переломанных топков.

Небрежно сделанные кадисы, керамические,
забытые от соприкосновения с древ-
ними остатками костей и камней.

И музейный музейный, такой же, как
все музейные стародушья — медведь и медведь
и глубоко и вселивный, и миаз в пучки
коммагах, один среди безмолвных своих,
безмолвных соучастий.

Витрины с экспонатами не заперты. Спраш-
ли их запереть? Кому музей не нужен, вы-
ветные камешки!

Херсон стоит на месте бывших когда-то

1436

греческих колоний. Здесь океанивает
слон китов Энеф, некогда могучий Борне-
фен, мирнадшим серо-синих стужей
вмешивает в море.

Здесь некогда кипела жизнь многозвонная,
многоцветная, многообразная. Сюда ели
мись дорогие товары и предметы Восто-
ка, редкостные предметы греческого искус-
ства и культуры и варварские меха и
золото, чтобы в круговороте обмена и
торговли кипеть и бурлить, жить и
наслаждаться жизнью.

Здесь proximity Востока, греческие
амфоры с благоухающими маслами
обменивались на живых людей, рабов-
скифов. ~~Здесь~~ На этом месте кипела
и бурля древний мир, культурный и
жизнь, греческий и римский.

Да, здесь. А сейчас тут застывшие в
совершенном зное пыльные улицы, бывшие
одноэтажные дома, медленно идущие, ле-
жившие люди и музеи с осколками ушед-
ших веков и эпох.

Увы, они не пахнут больше, редкие осадки
амфор, некогда благоухающие маслами,
и я одна, среди мертвых витрин и кашей,
ра удивления полусонной смотритель, удив-
ленно смотряю на меня, как на дико-

взбитой пеной, но ошудке забревший в мерз-
вот музей.

13.

15

Жизнь не напоминает ушедшие времена.
Люди в майках и кожаных башмаках ^{улыбаются}
~~в раскаленную пыль и муть акациевых аллея,~~
расцветившиеся сурово пробегавшим ветром.

Я сижу в городском саду. Не все акации
и зеленые скамейки. Но пыльные, сухие
дорожки все чаще и чаще проходят
через них. Концы рабочего дня. На улице
как-будто гуще движущаяся масса пешеходов.
И ветра как-будто слышнее свистит.

Мне некуда торопиться, некуда идти
в городском городе и я сижу и думаю, снова
думаю об ушедших днях.

Мне не нравятся их, за что их не нравятся? Каж-
дое время имеет свои хорошие и плохие
стороны. Так о чем же не нравятся? Немного
лучше, не много хуже, не все ли равно.

Я не знаю, что нраву или не нраву в нашу эпоху.

Снова я на улицах Керсона. Люди дви-
жущиеся остаются на центральной ули-
це, где кино, кафе и городская банда
с галлами. А все остальные улицы пусты-
ны и тихи, только возле каждого дома
на ступеньках сидят теперь мажорские
ребята. Мажоры ~~то~~ им собственно не на

1570

это, разве только на меня, единствен-
ного пешехода в соловьиной шубе, это-
лишь "градеона над сомутой елкой".
Каблучки стучат ушами и отряхивают
по камешкам тротуарам, мажущие
херсоны начинают раздражаться, а ули-
цы, как на зло все одинаковые, все
похожи одна на другую и по какой ни
погодишь все попадаешь на край города.

Позже, к вечеру, тогда идти медленно
тянувшееся время, я пошла в кино.
Новое здание, бесформенное, коробкообраз-
ное, оно построено, очевидно, в период увле-
чения кубизмом. Очень напоминала как
безобразный кино-театр на Подоле, оно
внутри являет собою верь буквы и
и стремление поразить богатством и
гордостью ошущки. Тесные ступи, по-
литовское дерево в смысле неурядиц
солитамиде, входе ярко-лиловой с зеленым
все сразу говорящее о вкусах, наверно, само-
го главного украинского художника или
архитектора. А внутри в зале с банко-
ном и ложами - центре зрителя, кроме
меня. Это как погоня вясилосе, гуду-
чик, как и в милоходе и те девочки - ш.к.д.

нишь, которые картины видели уже и еще раз
смотрим, комментируем, и рассказываем забегая
вперед.

14.

16

Непривычно восторженно меня Херсон. В
меня ли только? Должно быть всех он
так впечатляет, потому что сам он очень
уже унылый и гнетливый, как те акации,
сохрешившие солнышком, что шурша торжас
ка присутствия его улицам.

В двенадцать часов ночи огромный
теплоход "Новороссийск", весь сияя ~~светом~~
яркими мажамми палюшитаров, оставив
далеко позади сивирит Херсон с его сонны-
ми улицами и уличками, с тремя му-
зеями и с джентровскими парходами-
ничемным рядом с огромным теплохо-
дом.

Усталость и сон совсем одолели меня,
болела обочерешивая херсонским солнышком
рука, и под мерное покачивание тепло-
хода я проспала и Вераков и Черкоч, а
утром, когда сияющее солнце заиграло на
щедрых синих водах моря, теплоход
приближались уже к Одессе.

Вместе с Днепром окончилась тишина
и монотонное однообразие береговых пейза-
жей. Шумный теплоход, весь наполненный

1636

звучали радио, спущенными матросами и разговор пассажиров, еще до прихода в Одессу заставили отойти далеко назад мимолетные воспоминания зиевского пути.

А Одесса встретилась пелюхой саршам и лязгавыми цепей, огромных подвешенных краев, криками носильщиков и грузчиков, толчеей и беспорядком морского порта.

Травда портювад администрация позабодила о времени пассажиров (бизнес, конта, тироланцев тут-же) и впереди бы цельный день г-з осмотра Одессы.

Мне понравилась разнообразная архитектура улиц, спускающихся к порту.

Сводчатые мавританские ворота, греческие колонны, арки, полукруглые окна. Первые улицы не очень шумные. На них возетки с бауками для керосина, с корзинками, стоящие в сторону Греческой площади. А там - начало трехугольного центра Одессы.

Летящие, звенящие трамваи показали мне более расхлябанными и, потому, более шумными, чем в Киеве. Они неслись один за другим, а одесситы, толкаясь, грубо, устремлялись к ним туретными гурьбой, с бою беря сиденье и стояние места.

У нас в Киеве не было много порядка;

Пока вагоны в трамвай — хорошо бока
кашуют. Но в Одессе у меня было впечатление,
что карго все входящее в трамвай
старательно вводит так, чтобы по возможности
мешать другому. Все съезжается, все спешит,
все ~~торопится~~ и даже у машин,
автобусов и трамваев автомобильный и
моторный моторный вид, как у улитки
существо.

Трамвай летит, звеня беспрерывно гре-
безурачными звонками. Мимо проносятся
знаменитые одесские санатории. Они
все опорожены прозрачными решетками
и, утопая в зелени, мелькают красными,
серыми, синими досками надписей, ага-
лаев позади один за другим.

Скоря Аркадия, счастья тебе Аркадия!

Жизнь одесской жизни гудит вечно во всем.
Оно наполняет до отказа трамвай, все
удивит от смеха, шума и крика. Вре-
мени мне казалось, что трамвай тре-
сет по всем швам от быстрого движения
и от напора мотора Одесский входит
из него во все стороны, а гудит ли не
через окна.

Возле Аркадии трамвай как-будто

1720

действительно пошурит и во все стороны
от него потекли струи народа.
Мгновение - и он поднимает навеса и воят
Архидиш, и слова, взятый прощупанном,
мгновением, беспрерывно звенит дребезжа-
ющим звоном.

А струи народа уже потекли в
Аркадию по широкой, зубчатой гравели,
горючее с несколькими закручивающимися
направлениями.

Ничего особенного не нашли я в знаме-
нитой Аркадии. Возвращаясь солнцем,
она оказалась мне маленькою и мало
привлекательной. Земля, застыв ее
до края была наполнена лежачими
семействами с завтраками, окружен-
ными орехами, презвух бумажек, окур-
ков, разбитых бутылочек и консервных коро-
бок. Совсем, как в Туше-Воднице на
14-й линии в выходной день.

Над крутым обрывом - трехэтажный
ресторан. В нем прикрываются пономенцами
получайте курортники ибют миллион. Вдоль
движутся административные в возмущении
привычных халатах.

Со стороны южной от горы стороне
раскинулись амбулатории и санатор-
ные строения. Вдоль по одну и по
другую сторону Аркадии - голые неграбле
ним минеральные склоны, пустынные и
зубчатые. Над рестораном внизу, полу-
сфером на несколько десятков метров
протянулся парк.

Также она соединяется Аркадия.

Но это Аркадия сама по себе. Главные же
в ней, или вернее не в ней, а возле нее
- это море, море, которое в Увидана
в первый раз, уходящее в безбрежную даль,
синим, как небо, сливающимся с небом
в донот знойной монотонный греб.

Непривлекательный ресторан, чуждый,
с обогранными столами для хороших же,
что в нем была теб, и судя за своим
можно было смотреть на море и уходя-
щую даль.

А внизу туман и кончилась море,
сонными, тусклыми обнаженными тем
красной, кофейной, белой тем, как ли-
теносен расцветившим муравейник, как
многократное рудованье, дивное сразу
всем своим голубыми.

1876

Теска не было видно под чудной тенью.
Я так и не узнала ~~о~~ какой песок на
аркадском пляже, не узнала ~~о~~ ^и
какое море, если ~~о~~ в состоянии ~~о~~
эти тень его закрыть. Но, к счастью,
они кончились у берега, там вода
была мелкокошаная и мутная, ^{на} ~~и~~
уже от берега все спокойнее было море
и убегало от людей невозмутимое и без-
брежное.

Обесцененная паника и тоска и прусо-
ванная гармония морем и президента
в ресторане у моря гетто или нью-
гетто.

Одновременно время от времени воспомина-
ли голых курортников, Зауренко - мол,
без верхней одежды рестораном пользовались.

Но это временами. А больше - сидели
красные, толстые блестящие тень и,
отдувались, или тень, припортив
лимонад.

Тасов около пяти, когда все больше
и больше собирался народа, я ушла
из Аркадии.

Снова душной, звенящий трамвай про-

кесса мимо санаториев, домов отдыха.
Снова в средние княжеские народы ушли
десны и проблуждала, как накануне в
Херсоне, несколько часов. И лишь когда
от горизонта к городу карама двенадцать
затмившая, грозившая туча, спуска-
лась в порт теми же улицами, которыми
принимали в город.

17.
19

Одесса я, как следует, так и не увидела
и все потому, что интересно, конечно,
путешествовать так по городам из
одного в другой, но не в одностороннем,
потому что кроме того, что не с кем
словом перекинуться, и бывает еще, что
попадешь в неприятное положение, в како-
то я попала в Одессе.

Странной была грозившая туча. Она
спускалась меня в город, где я хотела пообе-
дать и, минуя выходы, что город разделя-
ют меня с моим багажом и с теплоходами,
я решила пойти в портовый ресторан.
В нем утром, когда я шла чай, было пусто
но и тихо. На это я рассчитывала и
в этот раз.

Но ошиблась. Ресторан был полон до
отказа, преимущественно военными и

1970

моряхами. С трудом отослав свобод-
ный стол, я заказала себе обед, накануне
губеньку себя, одна переполненной рес-
тане. Стодем относительно быстро и я
надеялась, что мое неловкое положение
скоро окончится, когда к моему столу
поделим два, как потом оказалось, сур-
давших менювод, пассажира. Не веселый
крив был, но видному подкреплен еще
раньше известными веселыми средствами.
Я не без оснований губеньку себя неловко
одна в ресторане. Мои случайные
веселые компаньоны незамедлительно начали
приветствовать. Сначала я отшучивалась,
потом мне начало надоедать, наконец
я стала нервничать и все тормозилась
быстрее окончить злополучный обед.

Приветствия делались все казачише,
я все больше нервничала, но к счастью
обед был окончен, и обрадованным возмоз-
ности уйти, я встала, откланиваясь
с губенькой обидевшим своим компанье-
нам и пошла.

Я шла уже у самой лестницы, когда
друг увидела урвантю окрив одну из
кч "Урадаанка, а Змлазунтв".

Пущено ли повторить о том, как было мое
состояние при подобном задержании в
коммерческом ресторане.

Вероятно, курьезный вид имелся бы у
меня. Мне бы хотелось даже помириться на
себя со стороны.

Велик меня в подобном помещении
размеренную и извиняющуюся, но видно
не признаю моей каталога было, что
заведение мое непреднамеренно проши-
лось, только взяли у меня ^{денег} ~~стоимость~~ ни-
чего оскорбительного не сказав.

Как я оттуда вышла, даже толком не
пойму. Знаю только, что буду все время
поминать это одесское приключение и
испорченное настроение на весь вечер.

Тогда, на теплоходе я встретила своих
каждых соседей по стюку. Они хотели
было продолжать, так неудачно наглые,
знакомство, но у меня были спутники,
с которыми я была все время, а молодые
люди все главнейшее путешествие были бес-
просветно тьмой. Видела я их еще кое-как
раз в ресторане на палубе, ^{иде} ~~какая~~ младший
из них держал при себе бродячего скрипача,
платил ему, ~~вещи~~ ^{вещи} и плакал
горькими, обильными слезами, слушая ^{его} ~~его~~
чужую главнейшую ~~его~~ скрипку.

202/6

В 10 часов вечера громадный теплоход
"Зузана" отвалил от Одессы.

Долго еще они города мерзали в зеркала
ноги, они становились все меньше и мень-
ше, теплоход волею в откритое море,
окончилась Украина, далеко позади
осталось днепровское путешествие.
Начинался Крым, а за ним Кавказ.

Откритое море в полной тьме не разли-
чена. А на утро, когда солнце зашло
на тысячметровых ружьях каютных кокс,
мы шли уже у Евпатории и очень
скоро теплоход стал на рейде против
плоского, совершенно лиственного земли,
города, с красными крышами домов.

Море изумрудное меняется и переживает
каждое мгновение. Оно поворачивает
огромный теплоход, удерживает на
гребных якорях. Спокойное и безмятежное,
оно ласкается и плещется под яркими
лучами солнца. Здесь на воде и небо,
и солнце ярче, ярче бездонная глубина
неба, отраженная и измененная в изумруд-
ном море. Изумрудное ли оно? Не знаю.
Море каждую минуту иное, каждая волна
иногда и можно ли представить себе то-

либо более изменчивое, чем море.

Теплоход идет на большом расстоянии от берега, а кажется, что горы очень близко. Но невзвзвз рагорайтв какие они. Мы проходим мимо всех крымских городов, не зная, что идем мимо них. Никто нам об этом не говорит, а нам кажется, что белые маленькие домики, редко разбросанные по горе, суграйтв горные ущелья и ущ никак не города.

Вокруг теплохода резвятся гайки. Они догоняют друг друга, бросаются в воду, садятся на волны, на марты или плавно взмахивая крыльями, кружатся, опускаются ниже и ниже или безудержно стремятся вверх. У гайки короткое, массивное тело, со словно отрубленным хвостом, с белоснежной серебристой грудью и серебристыми, сверкающими крыльями.

Гайки — это хрыльз. Они свободны, беспредельно свободны и безстрашны. Их ласкает море, оно карает их, сидит на его волнах. Их ласкает ветер, скользая по их блестящим, серебристым телам. И море, и ветер и небо раскрывают им свои необъятные просторы.

Как они бесконечно свободны, серебристые гайки!

У некоторых из них белоснежное туло-

19.
21

21/20

лишь и кривая, и глина, как символ солнца
с ярко-красными кляксами.

Когда гайки садятся на болты, они сви-
дуются криво и кажутся детскими, шу-
терными утолщениями из белого легкого цел-
люлоза.

Но они редко сидят. ^{Зачем} ~~Волны~~, когда они
решают, сербистить в сиянии южного
солнца.

Темнеет. На горах застилаются огни.
Они мелькают, как светлячки в траве, на
склонах ермисских гор. Море уже темное
совсем. Силе теперь только небо с золотой
полосой на западе. Горы чернеют теперь
неподвижными силуэтами на веревке
неба и лишь мигающие огни живут,
мерцают, в спускающейся ночи.

На теплоходе играет радио. Украинские
народные песни чередуются с одними и
теми же фокус-программи.

« Я не стану ее огорча-а-ть... »

С корабля теплохода, где на палубе первого
класса пьют, слышат звуки украинской
скрипки. Это все тот же вечный насел-
енный платит бродячему музыканту и

мелает под грабильные звуки скрипки среди
окурков и урчавых стаканов.

20.

22

Рядом со мной едут на скамье крестьянин.

Он едет здесь, пока вест облусуеивающий пер-
сонаж теплохода разберется по кашугам. Рядом
его проносятся отряды. Вокруг его босых, урчавых
ног радные вьются казой лубые мухи.

Дальше на палубе в соломенных креслах ко-
веротовые муромцы и цыганцы в крен-де-
тиках скупают или фривольно.

А музыка на корзинках и мешках дремлет
многоцветные трюм-классники лусавые
прямо на голом полу. Крики детей, ругань,
звуки радио и гром скрипки смешиваются и
нестройным шумом наполняют тишину.

Шлеп в море герице, как лод, спущившаяся
на него. Вода плещется, освещенная у тепло-
хода огнями иллюминаторов и фонарей.

Огни на берегу делаются все более много-
цветными. Они приближаются к нам и
все редеют и мигают. Их все больше и больше,
и скоро полукруглой цепью, как сверкаю-
щие очеркены, надбережной своей прибли-
зились к нам.

В лите теплоход стоит в порту. Здесь
уже у порта начинается город, горючий
визитными гостиницами и кафе. Но
мало-освещенной надбережной, прямо по-

12/10

посредством парами или обдуваются не-
ремками гезилируют утконосе. Ранже
всего это моряки и девушки в светлых
плавах.

Но дитя не видно, на берегу на-единствен-
ное освещенное место, а давшие темные
эрозивы гор, сливающиеся в ноги.

Мне хотелось определить места, в которых
земля и о которых говорил Эва. Но во все
ничего нельзя разобрать, а казавшаяся
Японская публика не имеет спокойно идти.

Свободные нравы не позволяют возможности
осмотреть город. Да и поздно уже.

Огромный силуэт теплохода торжественно
отиди кают принимает давшие и
давшие.

И снова плещется зерное, невидимое
море и только редкие, неименные они
мерцают там, где угадываются Крымские
горы.

Море спокойно и тихо. Успокоительное не-
щется оно у теплохода, освещенное лишь
узкими, желтыми полосками света
от маяков и фар.

В дитя слышится мои очень симпатичные

спутницы по каюте. Вместе приятных и очень
случающихся со мной во вкусах собеседниц, каюта на-
полнилась разными и мало мне симпатичными
узелками.

На верхней полке против меня помещалась
молодая узелочка необычайной красоты. Совсем
еще молодая, она показалась мне девушкой-
молочкой и стройной. Она была из Краснодар,
а возвращалась сейчас из Туркуза, где отбы-
ла и уехала. Мне доставляло огромное
удовольствие смотреть на ее лицо. Серые
глаза в абсолютно темных ресницах, каше-
ро смуглая кожа, несомненно красивые губы
лица, светло каштановые волосы — казалось
бы ничего особенного не было в этом лице.
Но мне до этого никогда не приходилось
встретить такого красивого лица и все-
впечатлительнейшей и не отрывавшей взгляд от
нее. Она была очень мила, ее раздражали
мелкие воды и мы все время бродили вместе
по теплоходу, подвывая во всех его расщелинах.
Третьей нашей спутницей была Клементина,
мало симпатичная, с которой у меня до
конца путешествия так и не возникло ни-
каких общих интересов.

В этот день мы обогнули до конца все
крымское побережье, часа два проехали
на рейде у Феодосии, и ничего не получив
от созерцания серого, голубого города, поплы-
ли дальше.

За теплоходом в этот день появились

2346

девушка, круглые спити которого
долго дни видны на портителюнаши
расстоянии.

Мы приехали к Новороссию,
там теплоход зовен дни разрурабес
и разрурабес и мы с моей сущнице-
Киевлянкой зговорились почти посмо-
реть город. Краснодарская красавица
и глупая сущница пассажира нашей
каюты в Новороссию входили.

Как и во все ^{остальные} дни нашей поездки, погода
стояла чудесная. Ни единое облако
не омрачало яркое солнечное небо.
Крымские ^{некоторые} горы, девушки, чайки и море,
играющее и искрещенное под лучами солнца,
создавали прекрасное настроение и
успокаивающее действовали на усталые
нервы.

Один знаменитый эпизод, правда, не
то испортит это радужное настроение,
но особого значения я ему не придавал.

У меня в тот день из портмонеа,
который помещался за подушкой на катке,
пропала тридцатипятирублевая бумажка.
Не говорю никому об этом происшествии.

я переосмотрела тщательно рас, порою другой
 все свои вещи. Денег не оказалось. За-
 дозреть двух своих спутников я не могла, так
 как мы все время были вместе. Остается
 четвертая пассажирка, которую мы видели
 мельком. Она редко бывала в каюте. К
 концу дня я совсем забыла про пронавшие
 деньги и собиралась выйти с оставшейся
 на теплоходе, киевлянской посетительницей
 Новороссииск.

Около шести часов вечера почувствова-
 лось приближение Кавказа. Горы резко обоз-
 нались своим совсем новым, более острыми
 и высокими кряжами и скоро длиннее, абсо-
 лютно ровные столбы горы предупредили
 нас о приближении Новороссииска.

Теплоход вошел в порт, началась суматоха,
 шум. Спускали скрипящий и карающийся
 трап.

Наша краснодарская спутница сложила вещи
 и хотела уходить. Мы собирались идти вме-
 сте с ней, когда вспомнили, что наша четвер-
 тая пассажирка тоже выходила в Новорос-
 сииске. В платяном шкафу висела ее сфа-
 раж льняная куртка. Больше ее вещей в
 каюте не было.

Решили ее подождать. Прошло четверть
 часа — она не появлялась. По крикам спа-
 ружен было слышно, что пассажирка уже все
 вынула. Краснодарской красавице надлежало
 нас ждать. Мы попросились и она ушла.

2436

Тогда я рассказала своей соседке про пропажу денег. Она забеспокоилась. Сказала, что это кажется ей подозрительным, раскрываю чемодан и стала быстро просматривать вещи. Оказалось, что одной или двух ее вещей не хватало.

Вторичные и взволнованные мы позвали портье, облекувавшую нам коридор. Спросили о вопросе и догадки. Подозрение пало только на нашу гентвертскую пассажирку, которая довольно странно себя вела, приходя в каюту, лишь когда все спали или никого не было. На теплоходе ее не оказалось, но оставалась ее куртка и сразу мелькнула догадка, что куртка оставлена намеренно — пригласила для возвращения.

Так оно и оказалось. В минуту, когда было рассказано это предположение, появилась и сама обладательница куртки.

Увидев встревоженные лица, она с раздвинутыми руками осклабилась и пропало у нас что-нибудь и сообщила, что пришла за забытой курткой. Ее задержали с арестом теплохода, она начала грубо ругаться.

Внешность ее говорила против нее, хотя можно ли вообще судить о человеке по его внешности.

Это была почти всецветная блондинка, коренастая,
с лицом квадратным и красным, с маленькими,
белозубыми глазами. Вспомнил

23.
25

Старший Дмитрий таскал мешки наверх на палубу,
она ругаясь бежала за ними, а дальше едва послед-
вава пострадавшая моя спутница.

Горничная и я отбежали от них, а когда
добрались до трапа, ни старшего, ни угас-
шую прощественную на теплоходе ~~уже~~ не было.
Настроение уже было испорчено, но я решил
хоть немного посмотреть город.

Теплоход стоял у мощеной булыжником
мостовой порта. С визгом и визгом про-
носились ругающие повозки, подвозящие и отво-
зящие мешки и ящики. Кричат крики "Майна!"
и "Вира!" беспрестанно звучали в воздухе, вне-
решечку с железными криками лебедей и
кранов. Теплоход разгружался и нагружался,
портовая набережная звенела и стонала
от быстрого движущихся тележек с грузом.

Смеркалось. Заушамки там и сям грохочут.
На синем меркнувшем небе выцветшими
копьями поднимаются кверху неподвижные
столбы дыма. Город тихо рокочет за воро-
тами порта и мне поглотило то ошестившее
вспомнившееся расекан Горького, не помню его

25/30

кафеиня, в котором отсылавая гитлер
грузинков и босняков морским путем,
он также употребляет восклицания "каинка!"
и "виза!"

До выезда в город мне дойти не удалось.
Навстречу мне вся в слезах моя сестри-
ца и с плачем рассказывала мне, что сгар-
тун и матрость привели ее туда, где с
вещами уехали муче обвиняемой на ее
засудки, бросили ее там одну и она ока-
залась жертвой самой гнусной брани и
угроз не только со стороны чужих, но и
крайне подозрительного муче. Эта сурфа
жеская гетта переселилась из Крыма в
Краснодарский край при чем, как сообще-
ла мне нягуля моя соседка, муче
выглядит совсем как бандит, с которым
страшно было бы встретиться один на
одном и что она еще-еще унесла ноги
от расклевывавшей парки.

Уже уже тут было освлаивать Новороссию.
Соседка моя от правится на теплоход,
а я еще долго смотрела на огромные
крабы, напоминавшие мне экскаваторы
на Днепре, только вместе с тем лохотом
представлявшие собою герцога, нем повернуто
громадину на веревке небе.

Что-то грустное было в том, что стоя в
одна в сумерки, незнакомом городе, среди невиданного
теплого труда, среди людей, которые в душе
играют тобой за праздное любопытство к их труду.

24.

26

Позже, когда море и небо слились в полную
темноту, теплоход ушел из Новороссийска.
Еще долго погуляем один за другим огни
города, пока погасли совсем. Невидимо
угасли, растаяли прозрачные столбы да-
же новороссийских заводов.

Теплоход все так же шумит и идет
с мешающими звуками радио, шороха и
криков.

Зеркале невидимые волны плескались,
ударяясь о корпус теплохода, освещенные
полосами желтого света.

В долгой тишине слышны. Незнакомые
эти звуки вызывают целый ряд мыслей и
погружаешься в звуки ~~воды~~ моря и долго
думаешь о неопределимости путей земных.

А рядом долго плакала моя соседка по
каюте, плакала тихо всхлипывая, уже
не знаю о чем - о пропавших ли вещах или
о многочисленных горестях жизни.

Стою у порога каюты. В пролетающих тенях
уходящей ночи прохотами выжили, ботки

2070

сбиваясь толпой выходящих и входящих пассажиров.

Города я не видела, не хотелось взглянуть. Скоро теплоход снова двинулся в путь, а к двенадцати часам остановился на рейде у Сочи.

Тогда я ли замечательная. Яркая зеленая живописного кавказского города переживала с белокаменными постройками санаториев, домов отдыха, резиденций.

Рассмотреть город подробно не было возможности, теплоход стоял сравнительно далеко от берега. Но общая картина необычайно ярких красок моря и неба и Сочи под ослепительным солнцем поразила меня своей яркостью, совсем непохожей на все виданное до сих пор, красотой. Без болтовни пассажиров теплохода ничего нового не было в этом пейзаже. Они продолжали зевать, флиртовать и скучать.

Самым же замечательным было море. Возможно ли словами передать его звать? Мне кажется не только словами, но и цветом замечательными красками всех маршистов на свете, не передать подлинной его красоты. Прозрачно и переливается

25.
27.
оно в одно и то же время. Теплоход медленно,
почти незаметно погружается на якорном
тросе и все в новых и новых перегибах яв-
ляется море необычайно яркое и необычайно
теплое в одно и то же время.

С той стороны, где тень от теплохода не
падала на воду, море было прозрачно на мно-
го метров в глубину. И сказочное зрелище
представляли собою медузы, прозрачные,
как само море, едва различимые, красивые
и отбрасывающие. Они, перевернутые, как
венчик невиданного цветка или кружной
тажкой гриба-паразита, десятиками про-
плавали мимо теплохода. Круглые
формы принимали они, маленькие и
большие, вытягивавшие свои пятиконечные
щупальца - ноги. Бесцветные, бесцветные
эмблемы, они делались живыми, когда
начинали тевелить и судорожно сжимать
свои щупальца. Медузы - отбрасывающие и
красивые.

Так весь Кавказ соединил в себе все при-
родные противоречия. Так соединило их
в себе море - обязательное и противоречивое,
гармоничное создание природы.

За Сочи - Коста, олею схожая с ними
теплыми горами и белыми строениями.

Летом тихий, мало интересный Адлер,

2582/0

с отступившими горами и, наконец, Загрь - самое красивое место на всем побережье.

Первое впечатление было, что горы, темные, курчавые, подходят к самому морю, огибая свои подножья в его шумящихся волнах. Кажется, что не между ними и морем места для людей.

Действительно, лишь узкая полоса ^{остерега} между горами и морем. Ее пытаются заселить курортные люди. Но горы descendent к самому морю и могучими громадами возвышаются над Загрями - модным, Кавказским курортом.

Успешивший пошленик бегом догнал в "Ризу" под горами. Я забрался до конечного пункта своего путешествия.

Не так давно - в 1901 году, за неопределенные заслуги перед отечеством, Николаем II подарил Загрь царю Ольденбургскому. Царю ввели все местное население и вросли новые Загрь там, где горы отступили.

нают от моря и спускаются к нему ступенчатыми, зелеными террасами.

26.
28

В настоящее время доли графа Ольденбургского занимает самодурский ипподром Стамбула.

Ипподром вконец граф потратил огромные средства на сооружение, которому он хотел придать сходство с средневековым замком.

Серое, гранитное здание служит продолжением естественной формы скалы. Вверху Башен — высокие пируды. Мало сходства с средневековым замком, особенно после того, что здание достроили после революции. Но газетские рецензии (?) всегда обращают особое внимание на эту архитектурную достопримечательность Гагр.

Граф-самодур соорудил еще две постройки в Гаграх.

На повороте от Старты Гагр к котловине среди ^{почти горной} долины, Зеленым горам белое красивое здание со ионическими колоннами. Это здание массажной и парной графа. Теперь там самодурский на несколько десятков человек и довольно задумывается, что мог делать один человек в таком помещении. Нам, живущим в маленьких, перегороденных комнатах не представлять себе уютно в обширных помещениях.

Женщина ~~мать~~ Массачусетской ли Говисо была обладательницей этой прекрасной
fund of ?

2870

Менеджер, всеи ответственности, уез
вез из Швейцарии еще одну заметку.

Это - Гаррини.

Деревянное здание в ^{самом} центре парка, в
природных ^{архитектурных} формах которого, отразившись
все этим, все это. Среднее между
японским, русским и швейцарским со-
русением. Асимметрия, безукорытные формы,
направление всех пород деревьев, неукорыт-
ные формы и комбинации цветов, ~~в~~ ри-
сованных декораций с природными горно-
ли массивами.

Атакое ресторан Гаррини придают
тем, что далеко видны его живописные
части, возвышающиеся над парком.

Гарринский парк известен своей красотой.
Он тянется вдоль моря от водного вокза-
ла до Новых Бат. Уютный и прибрежный,
он великолепен и великолепен, как все на
курортах. Ничего общего с темными,
запущенными старинными парками, по-
пытными преисполненными в своих, редко посещаемых,
горочках.

Здесь везде суретатся. Широкие, мало
удобные скамьи сидят в широких, удобных
уравненых аллеях. В Гарринском парке

27.
29

иная прелесть - невиданная у нас лоза,
красивая, тропическая растительность.
Цветут и благоухают магнолии. Их много,
как у нас в Каштанов. Длинная улица -
просека, единственная в Загре, протянувшаяся
на несколько километров вдоль всего парка
и Новых Заг, до конца парка обсажена
магнолиями. Их одуряющий запах сме-
шивается с запахом олеандров.
Магнолий и олеандров - больше всего. Все
искусственные пруды и бассейны фонтанов
обсажены кустами-деревьями розовых, белых
и почти красных олеандров. Высоко под-
нимаются финиковые пальмы с корой, как ко-
ра ананаса. Их яркие оранжевые прутья
с финиками показались мне с земли засох-
шими желтыми листьями. Магнолии
вечером пальмы широко раскинули свои
листья, - лозы и бесплодные. Угандские
экалипты наши, серебристые в ладонях
своей коры. Лавры и клиномеры, склонив-
шиеся к морю. Бананы с плодами, камизан-
скими один подле другого, как детская игру-
лочная пирамида. Пальмы, кипарисы, кон-
фессии, камфорные деревья, бамбук и
голландский лен - десятки невиданных рас-
тий, бурых и прекрасных в своей свободной
стихии. Это не тощие тропики жидких бога-
нических садов!

29/4

Ташкиновская аллея лишена тени. Деревья
наибольше устремляются к северу, они
посажены далеко одна от другой и свобод-
ные, согреваемые ярким солнцем смотрят
бесстрастно на бесконечных курортников,
всех одинаковых, всех приходящих к нам
нам только спешат на фоне их, убо-
гих географий, где все место занимают
они, а не пальмы.

Даже на восточной географии здесь все, у под-
ножья пальмы и место кому кусочек от
горды пальмы после того, ~~там~~ как пересекают
они существующую географическую заданность.

За то в плазановой аллеи темно. В ней
никогда не бывает тени солнца. Но ~~там~~ ^{недалеко}
~~на~~ ^{недалеко} ~~ближайшим~~ ^{недалеко} ~~прообразившейся~~
на дорожку через шестое место ~~там~~
Эти солнечные ~~пальмы~~ блики узорчат,
как светлая кора самых плазанов. Мне
все казалось ~~там~~ солнечные пятна отражением
тенистой, ~~тенистой~~ ^{тенистой} ~~коры~~ ^{коры}.

В этой аллее отыскают, покрасившие от
леса на тундре, курортники. Здесь
начинаются, предостерегаются ~~там~~ ^{там} ~~и~~
горячо сесть на скамью, ~~там~~ ^{там} ~~к~~
тебе приспали.

От аллеи во все стороны тенистые дорожки.

Одна из них ведет к пруду, где некогда были
лебеди. Но сейчас там лишь лебединый фонтан
в полуиссохшем бассейне.

У этого пруда почти нет людей, там можно
иногда обойтись без присмотра.

А в другую сторону от эмаровой аллеи все
дорожками приводит к набережной, такой же
высокой, как все в парке и такой же
незабываемой своими разнообразными цветами,
наибольшими и, главное, каналами, огромными, крас-
ными каналами, как накрашенные губы женщины,
которые до сих пор как, так мало дела.

Парк занимает всю узкую береговую полосу Сагр.
Начинается он у немногочисленных газонных
строений — дома отдыха Жозефа, библиотеки —
столб покрытый плетнем с яркими лиловыми
цветами, почтовый телеграф и утрамбованной
площадки для танцев. Здесь же начало мар-
шального центра Сагр — звук магазинов да звук
киосков. Тут же у входа в ущелье авро-
буена, станция и ближе к парку — старинная
церковь — базилика IV или VI века нашей эры.

Это весь центр Старых Сагр. Здесь много
вино "на колонке" прилежательное, едят мо-
репродукции. Здесь во все времена для курортного
населения удовлетворяют свои курортные
потребности.

202/0

Кончается парк площадками для велосипедов
и тенниса за линиями театром-эстрадой.
В этом театре видна лаза две обреш-
ки самой низкорослой московской и ленин-
градской эстрады, имя которой - кантура.
Но набережная протянулась дальше, она
за парком соединяется почти с дорогой,
идущей к Новым Заграм. Последняя скамья
на ее стоибе в самом ее конце и никогда
(?) не покидала. Кроме Дуси Кунисаревой и меня
не посещалась. От нее открывался безбрежный
проспект плещущегося моря.

Море очерчивает линию парка, а с другой
стороны к нему прирастает горь, мохнатые,
теплые, верно дождавшиеся, запутавшиеся
в них, облаками.

Облака идут и идут из-за гор. Они пу-
таются в зелени их, ~~они~~ клубятся словно
срываются на Задержавшие их горы, потопи,
потопкавшиеся на море, дальше тивдут в
бездонную лазурь, а повне и повне седые
облака вытисывают из-за гор, снова запутываются
в них, покрывают их вершины, спускаются
теплыми парами все ближе и ближе или
снова освобожденные устремляются вверх.

В Абхазии не увидать восхода солнца. Один за другим поднимаются горные хребты, зеленые мохнатые у моря и все более обнаженные, чем дальше уходят они к шавному Абхазскому хребту. С высоты трех тысяч метров, ~~то~~ вершины покрытых вечными снегами, шавный хребет галерейными отрогами спускается к морю. У подножья его, омываемого морем, никогда не бывает зима и верно зелены тропические растения.

Облака выходят оттуда, где разрезают горные массивы реки Бзыбь и Псоу, Кондора и Ингура и на высоте тысячи с лишним метров берега свал каемо в озере Руца бешенные Юшара и Тела, текущие через непроходимые ущелья с развалинами сфашиных замков, обрамлен мхом.

Облака идут и идут. Они клубятся, словно топчутся на месте и всегда острокопечные маки гор увенчаны их седыми орденом.

Многочисленные санатории и дома отдыха карабкаются по горам. В них мешается, как мешаются дни и месяцы года, приезжающие и уезжающие курортники. Здесь бывают одни и те же. Там же они уезжают, ищут

31/40

Этот может вернуться через год или вообще не вернуться. Среди них мало рабочих и почти нет крестьян. Больше всего среди них ведомого рода заводов, директоров и других, кто умеет не много работать, а хорошо денег обладает способностью делать «длинные рубки». На курорте реке всего безразлично болотце и безденежье, там и не место там. Все приспособлено для здоровых, денежных людей.

В Тарах меньше всего местного населения, а то, которое осталось там после выселения его в Новые Тарах, только обслуживает курортников.

Здесь все живет в покое за рублем.

Цветы и посылочки, изделия из ракушек и самшита, дешовые сувениры и вино, прическа и маникюр, и тенор в фредоране, поют в целую лодочную труппу, все, даже вода в ванной, плед и алмаз — все существует одной ценой — побольше денег.

Удивляешься, как не берут денег за то, что дышешь воздухом, за то, что смотришь на море.

Положим, и за это уплачено, потому что это, кто может увидит эту чудную красоту, эту природу могучую и прекрас-

кую, гостиницу лишь небольшой курке из-
бравших?

30.

32

Как часто думаю я, сидя на безбрежном
бере, на гордыне величественных скал, что
миллионы людей никогда не увидят ничего
подобного, не знают те, которые оценили
бы это великое царство природы во всей его
безграничной красоте.

А тем, кто здесь — она не нужна. Женщины
едут сюда, чтобы поправить свои материаль-
ные дела или чтобы блеснуть туалетами.

Сколько их — меняющих туалеты и сарафаны
глядящих нас в дель и соперничающих ^{одна} друг
с другом в гостиницах безбрежных водумок!

Музыканты здесь все порождаются. Они все ене-
шат не погреть ни одного дня из курортного
времени и потому так быстро завязываются
курортные романы, с последствиями или
без оных и потому так безконечно скупи-
но среди блестящего полублата, стремящегося
диктовать свои эзоповы законы.

Поэтому так скупино среди пресловутого
beau-monde'a, что под блестящей шелковой
и коверсотовой оболочкой скрывается убо-
гая пустота и некультурность.

Надо уметь жить по курортному, а не
уметь, так сделаешься недотепой, вроде
меня.

924p
От базара в шурь уцелев, протемнуясь усе-
лища зарпачских обитателей. Это кебачные
домики шимьяные или легкие диктовое,
как будто временные бараки, внутреннюю
кебречено на короткий срок. Даже более
сосотоятельных жителей - на цоколе из горных
поряд, таких же, как ушез, ушеве, скалы.

Постройки окружены уютными тропическими
или садами. Почти у всех ~~домов~~ домов встро-
ются виноград сочными, мясистыми гроздьями
на ползучих ветвях образует уютной португ-
-веранду. Гроздья свисают вниз, отягощен-
ные, темные соками под ярким солнцем
Кавказа, они воскрешают образ классической
Греции обильной и радостной в шобильном
культе бога Диониса.

Быть может не случайно возникают
классические образы. В ушеве живут,
шапкой образом греки, пришедшие сюда
в далекое и недавнее времена колониза-
ции Кавказа.

Эти неопределенные, хмурые люди мало напо-
минают гордых сынов Эллады. Лишь пра-
вильно определенные прозвучат да уцелевшие
вернутся на родину, от шурь / ^{их} / Этих
Бесславных потомков великого народа, от
таких же, как от темнокочных кавказцев
Их прозвища - мелкие перестановки, византизм

лежи для курортников и винограде. Високо в
автоминские горы на все лето уходят их
шаткие парусиновые пеговики дохода - курортне,
кавказские овцы, а сами они копошатся в своих
теплых и уютных домах.

Вперемежку с греками живут украинцы. Мне
казалось, что я ошибаюсь, услышав в первый же
день приезда в Загра, заунывные украинские песни.
И еще больше удивили меня странные манеры
у гостиниц и минеральных ванн. Но это были действи-
тельно украинские песни и украинцы, пришед-
шие сюда в XIX веке.

За горами тысяч километров от Украины
в гостиницосторонних краях Кабаровска и Вла-
дивостока, у Камчатки и Сахалина тоже жи-
вют украинцы. Куда только не забрели побули-
тые германские мажорсы! Так проводило свою
политику переселения и колонизации царское
правительство.

В Заграх меньше половины населения составляют
абхазы, а в большей его части смешались народы,
пришедшие со всех сторон, русские, грузины,
украинцы и греки.

В Новых Тарах больше абхазов.

Но отложив горы взбираются вверх зеленые,
цветные сады мандариновых и цитрусовых
деревьев. Карликового роста они темнее
своей зеленью выхватывают яркие брызги на
абхазских домах. Инжир, дыня, яблоки,
прирученная ананас и клубника, роскошные цветы

2290

растут там буйные, свободные дробные кашевики
солнцем и влагой моря. Небольшие, коренастые
деревья, не больше чем в рост человека, растут
под тягучестью сочных плодов. Тонкие ветви
листвы приносят каудовый сок, каудовый ко-
репачный карлик и растекающиеся по всей
стране ароматные плоды обеспечивают хозяевам
их безбедное существование.

Абхазы - гостеприимный народ,
Придешь к ним гусем, незнакомым человеком,
а уходишь, как от родных людей, обязательно
нагруженный цветами и дарностями.

Иногда это гостеприимство сопряжено с
курбизными осложнениями. Хозяева насмешли-
во угрожают инцирем. Не взять - невзз, а
свесть тоже невозможно. Свече - сорванцы
инцир мало сведобен. И вот гусем, гусем
го боли в земности и каретей, никогда не
промогши бесконечное количество волоконца
зерен этого южного плода.

Но зато вполне вознаграждает абхазское вино,
кислое и ароматное, пахнущее виноградом.

За Неваном Бат ← →

Средние Котварского ущелья, Гострая,
горная река, протая и пенясь бежит к морю.
Холодная она. От нее распространяется
прохлада, а шум ее, ритмичный и пероватый,
в одно и то же время, ^{ласковый} и неукротимый.
На огромных камнях с одного берега на другой
переброшены нежные мосты, - Когривские ветви

дерев поперек бревен. Они дрожат и гнутся под тяжестью ногей, но выдерживают капор, взбесившейся от всешного таения, воды. Камни огромные и маленькие, с округлившимися краями, словно галайской рукой набросаны в ущелье. Они обрастают мхом, покрыты лесом и, молчаливые, слушают рокот воды, самой ревной в ущельи.

Ущелье удаляется от моря все поднимается вверх. Еще несколько сотен шагов назад примитивный забор из камней ограждает кукурузное поле. Земля в ущелье нет, есть только камни. И поле кукурузное каменное. И только удивительно, как на голых камнях, из горного массива вырывает эта буйная, роскошная кукуруза.

Заборы в ущельи изрученые. В них добросовестно сложены один на другой камни, закрученные верхо-бегущей водой. Снежные кропотливые трудом, они кажутся непроходимыми, как дефекные стены из деревянных кубиков. От кого заборщицы соорудят эти примитивные стены ограды?

За одной из таких оград — пасека. В крошечные домишки несут свой труд неутомимые пчелы.

Тихий шум их расов терзается в шум воды.

И одинокий кавказец в башлыке, кто он, абхазец, грузин или чечен? сосет зерну законченную трубку, убито напевая что-то своим мечом. Это последние признаки человека.

Ущелье сдвигается. Уже узкая река заливает боковую его часть. Оно делается темнеющим и прохладным, кажутся темными и еще более дикими.

3/1/20

Вершины гор свисают к ущелью. Они ирландские и грозные от темной зелени самшита, кедра и бука. Вдоль каущущейся кукурузки, убогие места мохнатые деревья покрывают скалы ^{темными} ~~зелеными~~ лесом. Непроходимы эти леса. Они отвесны и пологи. В них ветви сплетаются с ветвями, в них проседа и поцарапан, змеи и мухи. В ущелье я не слышала птиц. Корью в нем воюют шакалы, как голубые, и трусливые собаки, воют и не дают спать.

Самшит протягивает ущелью свои причудливые мушкетеры - ветви. Маленькие, твердые медочки, без стержня как листья лавра, они тоже усеяны ^{непокорные} и ^{корни их} ~~твердые~~, как ик древесина. А ~~куда же уходят~~ ^{дают их корни?} глубоко в гранитные массивы. Камни, массивы и вода. И невообразимо поуряд растительности, которая выползает из каждой щели, которая покрывает камни, которая сплетается, сливается в своем поуряд стремлении образует непроницаемый покров на каменистых утесах.

Кавказская природа собрала в себе все климаты, все природные пояса. Впускается к морю тропический паванам, молчаливым, ослепленным, она уводит от него темней и хладней, пока не поднимается к вершинам снегам и льдам. Цивилизованные и кукурузки субтропика, обласканные морем, белоухой ароматом Средиземного моря, Малой Азии, Бразилии и Австралии. К ним спускается с гор темные леса из анюта, пичурис и самшита.

На высоте пятисот метров над ^{уровнем} мор~~ем~~
все больше каштанов, бук и кедров. Это они
образуют темно-зеленую кургавую шапку кав-
казских прибрежных гор. Это в их пористых-серых
каракуль запутывающа облеки, цепляясь в
их приподнятых ветвях.

А там дальше, куда уходит ущелье, все больше
громоздятая горы, туда не добираться уже расфи-
ненность юга. Там ели и пихты, северная хвоя.
Она еще более темная, чем самшитовые и буковые
барашковые леса. Она невидима нам, населенным
лишь узкою полосой берега моря.

Там в хвое - кавказский медведь. Он обитает здесь
еще со времен медникового периода. Угрозивши
мышка не спускается ниже хвойной полей.

Дикие кабань почти единственные его соседи.
Как изменился его нрав за время его существо-
вания на Кавказе! Он отвык от хвойной пищи.

Листья и плоды алычи - ~~такая~~ его расфуживное
протажание.

Еще выше в горы леса негзают совсем. Их
сменяют альпийские луга, вокруг кристалли-
чески чистых озер. Многие из этих озер - голубые.
Там пасутся кавказские стада, едят они в
эти высокие пасбища из ущелий и от подножий
гор. ~~Вместо~~

Высоко к небу громоздятая горы, покрытые белыми
снегами. Их не видно за цепью темных, зеле-
ных гор, одетых седыми облаками.

7570

и так бесконечно странно и не осознавая никак, что здесь вот рядом с тропическим климатом, где верна земля, гранитовые каменные, где почти круглый год цветут магнолии и снег не долетает до земли, средь утесов утесов с верными, негаснущими снегами.

Менее утесов поворачивает в сторону и, взор прекрасенное грудой огромных камней, как полыхает шумом падающей воды. Как прощупываешь здесь изумительные массивы! Будто кто-то потряс горы гранитной рукой и внезапно остановил их от титанического трясения, застыли они, угрожающе нависая над бурлящей рекой.

Массивы и камни. И бушующая пойма расклевывает, ползущая из всех щелей, тиснувшись к небу.

Из под груды камней - колодцы, прозрачные родники. Я стою на коленях и чувствительная вода колотит мне щеки и лицо. Родники бегут из недр Кавказских гор, таких изумительных и густых, таких все пропитанных и чувствительных, как он сам. И не хочется возвращаться назад, уходить из густого ущелья, где нет, кроме, где камни и мятущаяся река преградили путь, возвращаться к корням от острого масса гачем в крен-де-мине. и мучительным с позывами убожества.

Необъяснима Кавказская природа, мне не удастся подхватить в глубине Кавказа, там

Горы Косга вправе гордятся своей замечательной
рощей. И не только Косга; весь Кавказ, весь
Союз может гордиться обладанием этим
чудом природы.

На несколько километров по скалам
раскинулась роща самшитов и тиссов.
Белыми скалами зовутся горы тисов,
возрастание тысячелетних тиссов.

И сразу у входа в рощу вековые стройные
артефакты, всегда зеленые, обступают твоею
справкою тенью.

Снизу, с земли хвост тисса кажется тенью,
и только, если наклониться к маленьким
зеленым веткам, посадкам вылезавшим
из зазубки камешков погвы, можно рассмотреть
тоненькие листочки - своего темно-зеленого
звезда.

Некогда ~~английские~~ англичане предлагали
России огромные деньги за садку под консуло-
сию кавказских тиссовых богатств. Счасть-
ем, эта тисс-выручка была в порядке и посто-
му так ценить заросли его в Косгинской
роще.

Но теперь известно, что семена тисса
прорастают лишь на третий год и это
самое долго-растущее дерево не исчезнет еще,

35.
37

если вырастут маленькие зеленые ветки, посад-
ками выполняющие ту же роль.

Дерево поколени сменяется после нас, пока
еще будет употребить для нужд возобновле-
ния посадочной массы. Но сейчас рубят и
мелкие деревья, которыми тесна лес и краем
их, поменьше стволы, сложенные здесь уже в раце,
как складывают на зиму дрова в штабеля.

А они заслуживают поменьше-массовые вели-
чины. Тесную лес проходим они на свете и
много словесно бы рассказать, если бы умела,
вегетативная раца.

Масса замкнутой первой части Заповедника.
Никакие иные деревья не нарушают единства
их артефактальной семьи.

И можно так же за массой начинается
сажать, только на белых скалах с лабиринтами.

У селитры мажкий светло-серый ствол.
На свободных пространствах пригнанные му-
нать его ветвей начинают мучко, иногда
у самой земли. Но здесь в раце, где де-
рево стоит нестройной, цветной мас-
сой рацен, стволы его мажкие, и меньше
ветвей, и, пригнанные мучко, иногда как
зелен, а раце как скальзкие водоросли, под-
матся к кроне темной и цветной. У
селитры твердые, блестящие, очень темные
шарочки. Он бережет свои листья, веро-
яно, и редко терзает их, а как-то зно-
вое сопротивление при целанном сорвант его ветв.

284
И мягкий, твердый, самый твердый из всех
древесных пород, ведь подаром китайцы называют
его самшитом - прелесть дерева, стоит
он заросшими и сказочными на белых скалах.
Он весь покрыт лишайниками, почти грибами и мхом.
Этот верный его товарищ сделается неотъемлемой
его частью и согревает его в канюхе или
сохраняет прокладку и влагу в тропический
эпох с далеких времен послеплейстоценового
периода.

Природными лахментами лиственничного
моха с ветвей самшита, он прирастает к
камню, обнимает его и вместе они - искрив-
ленные цунами - ветки самшита и лишайники
грибы мха создают удивительную и бесконечно
прекрасную сказку. Подозреваю царством
или волшебным бором русских сказок кажется
самшитовая роща. Недалеки вблизи
прошлепает сапфир на лиственничной
почву. Лишь неслучайно мох прирастает к
белым массивам беззубых скал. И в
клубном теневом свете приглушенное заросли
самшита кажутся каменными чудесными
лесами и дриадами или, быть может, надда-
ми, как фантастическое подводное царство.
В белых скалах - лабиринт. Это запутанные
широкие трещины в скалах. За многие де-

36.
38
сетки лес своего существования стены
лабиринта покрывают и шиповником и ежевикой
ми ила и самшита, но сквозь них проглядыва-
ет свои скалы белые и черные.

Самшитовая роща, раскинувшись по всему
лабиринту, поднимается высоко вверх над
ущельем, над фруацей далеко внизу которой
и тянется то опускается, то снова вздымается
по скалам до светлой просторной и белой
части рощи тиссовой рощи. Эта светлая
роща очень напоминает березовые рощи
наших широт. Светлые стволы тисса
высокие и свободно растущие дают освещающую
солнцем и в роще светло и приятно после
темноты и прохлады среди самшитов.

А на скалах, существовавших почти вертикаль-
но — остатки генуэзской крепости. Это — стена
из каменных глыб, почти неотделимая от
скалы, обросшая деревьями травой и мхом.

Называется крепость генуэзской. Но, говорят, да
иначе и не может быть, что это горцы строили
ее борясь за свою независимость. Зачем бы
строили ее генуэзцы, пришедшие от моря,
бойницами, смотрящими на море и защищающую
ущелье, уходящее в глубь гор?

Из бойниц беспрестанно вырываются трава,
она вылезает из всех щелей между камнями,
она теперь ^{единственный} и ^{неиспорченный}
облачитель крепости — музейной
изрушенной уцелевшей далеких войн.

2870

Какими каменными кажутся эти прищипанные
крепости теперь, когда война пришла к ним
верные, удобные размеры, употребляющая на
уничтожении моды все неисчислимые изобре-
тения геологического ума!

И можно только с любопытством посмотреть
на замшевые камни, карабкаясь, как по лесу-
щам, по твердым, голым корням скалистым.

Роща тянется еще на несколько километров
вдоль ущелья, то опускается, то поднимается
по белым скалам.

А внизу, в ущелье, вокруг сравнительно
спокойной долины расположены курортные
здания в маленьких домах.

Мне нечего сказать. Я не была
в Заграх и Коше не горно и предания абхазов
и народа. Они живут в гудине станицы
в заросших ~~недоступных~~ непроходимых ~~ущельях~~
и горных ущельях, заросших махнатными
кавказскими лесами.

Курортные моды не любят предания, не
интересуются горной и жизнью народа.
Они им не нужны, это товар-не имеющий
спроса на курортном рынке. И приспособив-
шиеся к требованиям выдыхающих, группиро-
ванных моды, абхазы задумали горно своей роди-
ны или унесли ее за высокие кредиты с Загра-
ми селами.

Не помню и раскопки. Малокультурные

кубатурники дали общие сведения об истории
справа, те скудные сведения, которые найдешь
во всякой энциклопедии и только море и
горы, и быстрее бурные реки рассказали немало
на многоголосом своем языке, но много, глав-
ное скрыли, затешили в своей всеобъемлющей гуще
и зорько хранят ее от посягающих ветодей.

37.

39

Взгляд - настоящий Кавказ. Но там, где горы от-
ступают от моря, пейзаж кажется переходом
на украинские, русские пейзажи. Кубарники
вдоль выходящих дорог, бузина, коровы и до-
мики среди седлов. Горы, удаляясь, уменьшаются.
Потому сглаживается разница между Кавказом
и Украиной.

Машина мчит по шибилской дороге. Маршрут
идет в сторону моря, а фронтальные коровы
иногда сворачивают, чаще все продающиеся сзади
посреди шоссе. Мелкая бычья стоида огорожи,
идет лишь плетеньевые боченки с молодой
посадками и километр за километром убегает
назад.

Иногда встречаются абхазы. Горбоносые, с кри-
выми ногами, они в знойный жар обмазывают
голову черепицей гашеткой или прикрываются
войлочной шапкой с опущенными полями.

Если видишь абхаза в елени, создается впечатление,
что он сошел с картин фрунзе - непро-
порционально велика верхняя часть туловища
на коротких, согнутых ногах. Он мерно ша-

29/70

зает взор в горы, промелькнув перед машиной.

На двадцатой километре дороги сворачивает в сторону Сукума, она через мост пересекает реку и оседает, невидимая, езды.

Начинается ущелье, начинаются горы. Дорога резко меняет свой облик, устремляется вперед, река вырывается из ущелья, взор сумасшедших кавказских рек.

Не зная названия сумасшедшим. Самые абхазы так назвали их. И это еще мало-говорящее название.

Машина мчится по твердой грунтовой дороге среди широкого ущелья. Горы раздвинуты.

Здесь от разрешающей реке катит свои сильные волны просторно и плавно. Невесомые скалы, горы все разлетаются и разлетаются, темные громады движутся по мере движения вперед. Уже горы вьются у самых гор, уже река все меньше простора и меньше сияет в своих движениях, начинается клокотать река, все быстрее колыхнет она по крутым камням, шурша подбрасывая клочки пенки.

Исчезли последние признаки человека. Бешие скалки по краю дороги мелькают и убегают назад. Все уже ущелье, все выше горы. Они нависают уже над дорогой, поднимаются отвесно сотнями метров.

Или мчится мимо плачущей горы. Каменная стена несет крупными каплями слез-родников. Камни вырываются из каждой поры камня

и, соединяясь струйками стекают вниз на дорогу,
в реку, а новые капли выливаются снова и снова,
и блещут радужными огнями на солнце, ска-
тывают вниз.

Горы покрыты густой расщепленностью. Деревья,
мохнатые корни обхватив скалы, тянутся вверх,
иногда они откидываются почти горизонтально на-
зад и висят угрожающе над дорогой, иногда целой
массой, как лопившиеся, словно смотрят на дорогу,
на нас несущиеся автомобили.

На берегу реки самшиты. Они противостоят
своим судорожным скрежетам пачке к ублажающей
воде. Быть может они косятся к ней, к реке?
Но жесткие корни привязывают их прочно к
камням и уцелуют они года и столетия, морщи-
лись, в тайне тоскуя о своей долговечности.

Дорога встает, скрывается за поворотом весь
пройденный путь, раскрывает все новые и новые
невиданные красоты. Все выше подымается
ущелье. Сдвигаются горы. Они ^{совсем} сравнили уже реку
и, спешащая в своем всепобеждающем беге,
скачет она, раздвигаясь, и брызгается пеной.
Все краше нависают ущелья, они закрывают
солнце и колодом вест от непоминских, тем-
ных громад.

Над рекой склонилась, зеленой шапкой зарос-
шии, утес. Трудно определить в беспорядоч-
ных его оскотанных развалинах старинного замка
время таинств. Ущелья Бзыби и Юншары не
сохранили памятников золотого века грузинс-

403р

кой культуры. И никто нигде не может
рассказать об этих землях развалинах, кото-
рые не без раскопок не раскопаны.

А автомобиль катится по гидропробитой
узкой полосе с белыми створками, черными
полосами на веревках моткающих и оседа-
ющих впереди.

Все сделано для отхода к озеру. И
гидропробитое шоссе, законченное в 1936 году,
и автомобиль, несущий два десятка любителей
среди урюжских, верных скам. Раньше в
ущелье ~~из~~ козней дорожкой вывел тропы
и только горные жители пробивали по
ним к Руче и голубому озеру.

К голубому озеру мы добрались очень быстро.
Это был первый привал нашей экспедиции у
белого, в стиле модери, реинтерана среди стору-
жек и пахнущих смолою бревен, елей и тиса.

Над озером нависают голые утесы и озеро словно
когда-то было их, так как они и так к нему,
и кажется, что озеро ныряет в глубину, ~~ра-
створяясь~~ в них.

И вода в озере голубая, бирюзовая, словно
словно добавили в нее медной купороса и
она от этого позеленела кельного, потому что
водорослей в озере кет, как кет нигде убитого
в его обуревающей, ледяной воде.

Говорят, что озеро это глубокое озеро и дно
его опускается воронкою, а со всех сторон

нигазса оно радниками густыми и прозрачными,
как капли слез на плачущей горе.

От голубого озера дорога все заметнее поднимается
вверх, она превращается стройными мостами
через мянущиеся реки и, шибаясь прихотли-
выми шибками ущелья, дубеет вперед, через фе-
ные топки, нависая над самой рекой или
вплотную прижимаясь к утесам.

Мелкие кедрки и буки свисают над дорогой.
Это они образуют непроходимые леса. Они
сплелись ветвями и корнями и, соединенные,
обхватили серые громады неразрушимых обя-
тлеи. Их корни глубоко вросли в неостру-
женное тело утеса и потому могут они скло-
ниться отвисло к бегущим рекам, к белой
дорожке, скрывающейся за поворотом.

А река все более стесненная в суживающ-
ихся скалах хрипит и пенится, ее плеск
звучит, как рожок и как рожок она, не
переставая, оползшая против серых гранитных
ствб. И хотя бесконечно тверды серые
кашны, вода побеждает их, сначала она
отшурфовывает их, потом сдвигает их и мурма-
дами своих струйчатых сил убивает их, в конце
концов, со своего пути, поугав и бесконечная.

Откуда берутся эти неслыханные миллионы
капель, которые убегают, чтобы не возвращаю-
сь, которые каждую новую секунду замечают
новыми миллионами капель, так же уходящих,

4120

как и они? Откуда неслыхаемые, плодотворные соки земли, пылающие поля и реки и всю могущую, беспредельную жизнь?

Уже мы промчались над рекой Зерой, оседающей на самых красивых местах, чтобы сфотографироваться.

Дорога поднималась все выше, все холоднее было среди движущихся гор и солнце прощало к реке лишь на поворотах, да в тех местах, где горы неожиданно отступали немного, чтобы снова сыграть еще больше летящую реку. Они перебрались теперь Зеленте и оленевые, и все чаще серые массивы дикими кивками оседали над дорогой.

Все чаще между буками и кедрами чернели пихты и ели. Они, как свечи или звенящие кампанов увеличивали вершины гор. Мы поднимались все выше к ним. Все ниже оставались корявые самшиты, а дорога все резже карабкалась вверх извиваясь, как булыжная лента детского воздушного змея.

Самшиты оседают внизу. Они оседают берег реки и как верные, молчаливые стражи оберегают свою сверкающую возмобленную, которая лишь парад с ними, обрызгивая их легкими каплями перед тем, как убежать. Молчаливые, обманутые и бесконечно безгранично верные. Произнесут ли они когда-нибудь слова упреха?

Я думаю, что нет, потому что вредли шуршат когда-нибудь корявые, твердые ветви сам-

нига, покрывающая лежащую в долине.

Река скрывалась за повернувшимися горами, несильно ее раскопало крушение и только через некоторое время, когда дорога вернулась резко повернула и выпрямилась, голос реки снова доносился до нас снизу, из глубины оставшейся внизу ущелья.

Необычайное зрелище — ущелье внизу, под ногами. Столпившиеся скалы и ели, и буковые местенные гиганты темнеют из глубины его, как бы дышащего и вздыхающего, и вздох эти, рожденные срединной рекой, звучат повторенные неуловимыми жонгами в молчаливых гор, где не слышно звонких голосов птиц и нет многоголосных шумов подскок утки.

Теперь горы отступают и вершины их широко-кегильным шапками торчат вокруг нас, темные, они убегают вековыми лесами и только в той стороне, где Руца — две вершины, одна пустынная и олеванная, другая покрытая молодой елью — как молодые брат и сестра, подымаются выше всех.

С ними связано предание происхождения озера Руца и отсюда берет, действительно ич обязать горы подвешенным чудесного озера, которыми они гордятся и которое берегут.

Риски остались далеко внизу, а дорога, кружится

12270

и беспрестанно поворачивалась, все круже под-
 малась между вершинами гор. С двух сторон
 теперь пробегали дремучие, северные леса,
 они были молчаливы и непроходимы. Иглав-
 ские деревья со светлыми стволками топи-
 лись непроходимой гущей, густой от диких
 кустарников, расросшихся свободно и будто,
 от бурелома, поверженного и закрывшего все
 неустройствоавшие лесные пути. Многие свале-
 ные деревья поросли мхом, а вокруг молодые
 побеги пробивались и вынозали к солнцу.
 И, сплываясь, молодые зеленые ветви с засохши-
 ми обломками гнилов, создавали непроходимые
 заросли горной тайги.

В лесу прохладно и сыро. Солнце прошивало
 в него тонкими зайчиными лучами и
 желтыми бликами расцветило траву и мох.
 Солнечные лучи освещали белые цветы дикого
 красника, вырвавшегося из темной земли кустар-
 ников.

А дорога все круже подмалась среди елоч-
 ных гущи и вдруг вырвалась, освободив-
 денная, у озера

Окруженное со всех сторон горами, сверкало
 под лучами солнца, зеленое от отражившейся
 в нем лесов, озеро Руца.

Тесным коридором спускались к озеру темные
 пихты и ели. Они склонились к самой воде
 и только возле плотины, где кончалась дорога,
 на несколько десятков метров выласть
 круглая тропинка над водой.

Тропинка кончалась у моста, к которому पहुдун- 41.
ла гача. Дальше прообразов не было возможности. 43.
Горы и ели зорко бережи сверкающее озеро. На
противоположной стороне - швейцарский охотничий
домик, белая стена и красная крыша которого резко
выделялись на фоне зеленых елей и пихт. И высоко,
внезапно поднимаясь над озером горы, покрытые аль-
пийскими травами, со спускающимися от вершин
ослепительными полосами вечных снегов.

Ничего не рассказав нам галльские жители
об озере Руца. только две горные вершины, одна
обнаженная, серая, другая покрытая молодыми
елками сохранили предание о семи реках, вливающихся
в ущелье, где теперь озеро и о том еще, что под-
топленная молочно ~~вода~~ водою обрушилась скала и
ослабила бурное движение рек. И что от горно-
го трясения возникли две вершины, обретающие
теперь между Юншару, одну из семи рек пробив-
шую себе путь.

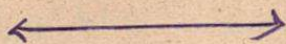
В озере ледяная вода. Она обещает бурю и
я не знаю, есть ли какая нибудь жизнь в
прозрачных ее глубинах. Я не слышала крика вокруг
озера. Ветер не шевелил зеленую нависшую
гачу. И озеро молчаливо сверкало зеленым зерка-
лом под ярким, голубым небом.

Всредишася это повторило голоса людей, но
они падали, словно падали в молчаливой дали озера.
Великая тишина царила над ним, тишина которую
повторило это и от этого казалось, что озеро
звенит, что воздух звенит, что звенит яркое

432/0

знойное небо, склонившееся к зеленым
вершинам с полосами сверкающих, ветвистых
снегов.

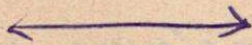
В моих записках мало внимания уделено
людям. Это произошло не потому, что жизнь
людей не интересует меня. Нет. Совершенно сознатель-
тельно не хотел я писать о многочислен-
ных учреждениях курорта.

Мне хотелось отыскать слова, чтобы хоть в некоем
тои мере запечатлеть многообразный мир при-
роды, его очарование, его жизнь неведомую нам,
необъяснимую, бьющую из всех родников земли.

Мне хотелось бы узнать, о чем думают молча-
ливые горы, о чем шепчут мохнатые леса и звенят
цепочки в многоголосых своих концертах?

Мне хотелось бы узнать, о чем рокошет море, перека-
тывая свои искристые волны и мириадами брызг
выплескивающееся на берег?

Мне хотелось уйти от мира людей, потому что
только в природе можно на мгновение прервать
думать и в перерывах, между ее голосах
стихают и уходит на время неразрешенные вопросы.

Середь сапфировой воды отблески с Кавказа, кажутся
чуждыми. Над зеленым, безоблачным небом, спокойное
лабиринт, море покрывается волнами, которые с
сердитыми рожками заливают береговую галерею.
Равномерный плеск волн сменился карскающим
рокатом, который то приближается с набегом
целой волны, то уходит, когда волны таят,

растекаясь по побережью. В усмиравшемся шуме
прибой приглушаете голоса, словно перетариваясь
между собой пробегает, как гонимая врозь берега и
отвером и не бьет фолкит мопоз гильки, с шумом
возвращавшейся назад гурда, откуда мгновенно перед
теми поднимая ее рассеруженная вода.

Волны ^{подбегали} ~~набегали~~ на берег, потом как бы останавли-
вались на мгновение, а набегавшие сзади набрас-
ываются на них и, опрокинувшись вперед в сверкаю-
щих брызгах и пеной, вместе откачивались,
играя и споря.

Невозможно проследить движение волны, зарождение
ее далеко в море, нарастание и шквал расстав-
ляемого каскадом пекр, пенного водного гребня.

Волна — это всегда одно и то же неудобливое движение,
миллион отдельных движущихся капель, объединенных
одним общим стремлением вперед, порывистым же-
ланием обогнать бегущие впереди камни. И достиг-
шие своих бегущих впереди собратьев, искры пе-
нистых волн отбегают назад вместе с бегавшими
вперед, а новые и новые камни набегают, подхва-
тывают их, устремляясь к берегу и снова, настигну-
тые новыми камнями, уносятся в море. И каждая
вырвавшаяся вновь волна больше предыдущей, и вырвавшаяся
она одна за другой, пока одна самая большая, как бы
достигшая апогея движения, с шумом обрушивается
на берег, заливая сухие до этого камни и, обесси-
ленная предельным напряжением, растаеет, дрогнет,
и тает где-то далеко, побегав врозь берега.

Невозможно проследить движение волн. Они рвануты, не
земливидны. Они набегают беспрестанно, одна за другой,
они приносят шум и запах соленой воды, пре-
вращают каменистую гильку и убегают, гильки растаеет

2470

и может быть снова вернуться в новых мира-
зах ступи, в новых шумах звуков каменей,
и море ^{всплески} ~~всплески~~ ^{шумит} ~~шумит~~ нестройными шумами, ^{отдаленными}
и поухаживными в водной дали и среди ^{этих}
нестроенных звуков водоедыв мерно и ритмично
выражает шорох, то шумок и рождающий, то вдруг
отступивший и уходящий, приходящий из безбрежной
морской дали шорох. И под лентой, безоблачной,
небом, под сияющим солнцем в синеве прозрачной
линии горизонта рождается шорох невидимый
и уходящий.

Волны ^{вместят} и оставившие на берегу все,
что хранило море. Они отрастают стелла
и цунами, консервные коробки, осатки деревьев
и одежды людей, они высеивают ил и грязь,
и море камнями ^{оставляют} крабов, приливных
морских существ. И предприимчивые жители - аб-
хазы в темных шлемах засучивают ^{палки} и,
угрюмо угадывающие в землю, сосредоточенно
бродят по мокрой гальке, старательно выди-
рая между камнями ^{оставленные} водоеды крабов.

А шорох все усиливается. Все громче ^{шумят}
кабелачьи волны. Все выше они, давшие
и давшие на берег вздымаются, заливая все
ковче пространство. С ^{шорохом} ^{соединяется}
расстрелянная галька, она стремится за водой,
но встретив волны снова отбрасывает ее назад
и так беспрерывно расстрелявая она, ^{молнии} ^в
покоя.

Нагнаться ветер. Сначала почти незаметно,
двигается он, приносящий волнами. Когда
успокаиваются шорох приносит из водной дали

все ковче его порывы. Они накачиваются, как волна
и, рождаясь вместе с волнами, набегают один за
другим, шевелят массы прибрежных деревьев, шве-
дят кань, а ковче порывы проносятся дальше,
они шевелят маклюми и олеандры и сначала
крупно, потом все сильнее качкает шлепает
от ветра весь парк, а ветер, все усиливается, взди-
рается на горы, в темные леса и уже всюду проши-
ло его дыхание влажное и теплое, с запахами
моря.

Ветер не дает сидеть ^{на берегу:} ~~у моря~~. Он вырвал из рук
мешки подотканного писма и унес их в море.

И белые пятна бушуют мелекнули в темных
волнах и скрывают, ~~загораживая~~ потом один из
них появился на мокрой гальке скользящий
и потешливый от воды и через, унесенный на-
бережной волной.

А ~~вздымаются~~ волны все выше вздымались и ежено-
щно на берег. Разъяренное море грозно рыгало,
серая пенная вода ревели и клокотала, и без-
брежная, необъятная стихия, рассерженная, воз-
мущенная бушевала и величественно демонстри-
ровала мощи своего неукротимости.

Ветер притал из за моря облака. Сначала
белые, почти недвижные, они сменились седыми,
каштановыми тучами, которые закрыли горизонт,
потом, приближаясь зайдя все небо, а первая
ковче, принесенные ветром, медленно и были над
морем тучевые, угрожающие, словно каменные свинцовые.

~~Всего одна лодка видна~~

Ни одного паруса, ни одной лодки в поперечных
волнах. Море было пустынно и дико, все в

4580
валунах и гребнях и эта огромная водная
пустыня ревела и стонала, и нарастающее
стеканье волнами каменами на берег, на-
полняли парк, забиралась в горы и лигурийское
это ущелье и гор непрерывно повторяло полный
гнева и сила, радости и отчаяния, голос моря.

И шоры все усиливались. От прочной от берега
людей, собиравших крабов, от забывши утраты от бе-
рега лодки и спортивные приехали. Шоры сор-
вал москиты там, где Жозефина впадает в море,
и громада воды яростно набрасывалась на берег,
вырастая перед ним огромной стеной и падая с
высоты со стоном и ревом.

Встревоженные гайки носились над морем. Их
голоса топили в реве шоры и только средние
крылья их сверкали, сменяясь временами с бе-
лыми гребнями волн.

Несколько дней возросла шоры. Из негромкого
ропотания волн рождалась лигурийская водная
буря. О ней рассказывали влиятельные буревестники,
прилетевшие из морской дали. И пришедшая
оттуда, где ^{раньше} яркое сияние небо склонилось к сверкаю-
щему морю, она сначала встревожила море, по-
том разозлила его, и лихорадочное своею покоем воз-
стало оно, непокорное и неукротимое, в своей
великой красоте.

А ветер рожденный шорной бурей на земле,
он набрасывался на магнолии и олеандры,
трещал лавровым звонком, он шептал шуршанием
лавров, вливал, и наполнял парк шуршанием и
запахами моря, убегал в ущелья, забирался
в горы, проливая в лесные долины и принося
горам мощное голос буря, которое повторяло

Рано утром, когда небо озарялось первыми лучами солнца, автобусе отправился из Загр. Еще ред промышленники Адлер, Кофа и Бембе санатории Сочи. Поезд поскрипывал и грохотал ушел в Сохинского вокзала. Еще несколько часов смотрю море сверкающее и обновленное после шторма.

Прошли горы и леса северного Кавказа, с удивлением попадались казачьи станицы. В Армавире киевский вагон прицепили к Бакинскому поезду и снова побегали леса и поля, а потом широкие безбрежные украинские степи, замескали, однообразные, сквозь сетку карагачей дождя. Проходили горы, за окнами монотонным пейзажем показались и исчезали бесконечные поля. На них кагари уже убирали хлеб и орошение скрывать его там и сям возмущались среди полей. А поезд все дальше ушел от Кавказа в сторону долинных укрепленческих заводов и труб. Поезд промчался мимо законченных людей, мимо однообразных рабочих поселков, потом побегали мимо окон знакомые леса, поля, леса и пригороды и скоро рекламировали о кофе с микером, о своем какао, возвещая о себе приближавшись Киев.

4 марта 1941 г.

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ВИЩИХ ОРГАНІВ ВЛАДИ ТА УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ

В даній справі № 2
Фонду № 5270 Опису № _____
Пронумеровано 46 сторок шієтє 143 дб-89 аркушів
(цифрами і прописом)

з них літерні №№ _____
пропущені №№ _____

Вкладення _____

Брошури, газети: _____

Графічні матеріали: _____

інші особливості документів _____

Документи із згасаючим текстом: _____

Для підшивки

"20" 04 2010 р. Підпис [signature]

ПІДГОТОВКА СПРАВИ ДО МІКРОФІЛЬМУВАННЯ
(що зроблено і вказівки оператору)

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

" _____ " _____ р. Підпис _____

